

ИГОРЬ СЕРЕДЕНКО

НА КРЫШЕ МИРА

Секретные экспедиции

Следователь по уголовным делам, Сергей Ефремов, расследует ряд краж одиноких вдов, у которых были похищены драгоценности. В процессе расследования и поиска, казалось, неуловимого преступника, он начинает понимать, что имеет дело с хорошо организованной преступностью, вершина которой находится в правительстве, и потому недостижима. Неожиданно, из Австралии ему приходит странное письмо, в котором ему сообщает некая юридическая фирма о том, что его пропавший, более тридцати лет тому назад, отец составил на него завещание. На небольшом чердаке, где когда-то он проводил время в детстве, Ефремов обнаруживает, покрытым пылью и пролежавшим без внимания более тридцати лет, последнее письмо отца. Он и предположить не мог, что все последующие головоломки, которые ему приготовил его отец, приведут его на край мира в логово зловещего и вечного зла, которого когда-то нацистская экспедиция в Тибет назвала Королем ужасов.

Игорь Середенко

На крыше мира

И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание своё на раба моего Иова? Ибо нет такого, как он, на земле: человек не порочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла.

И ответил Сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов?

Евангелия. Книга Иова [8, 9].

Глава 1. До последнего патрона

Май 1945 г. Берлин.

Бой был ожесточённый, за каждое здание, за каждую улицу. Чем ближе русские войска подходили к фюрербункеру, тем большее

сопротивление они испытывали. Закалённые в многочисленных боях русские солдаты выбивали фрицев из их логова, очищая развалины: этаж за этажом, комнату за комнатой, оставляя позади тела убитых с обеих сторон.

Но вот капитан одной из стрелковых рот заметил, что упорство немцев превратилось в неприступную крепость, словно они были сделаны из стали. На смену убитого появлялся новый боец. Кто-то заметил, что окраска военной формы фрицев приобрела чёрный цвет, казалось, тьма помогала немцам. Русские солдаты укрылись за развалинами, изредка постреливая, экономя патроны.

— Ты видел их? — спросил капитан у солдата лет пятидесяти, с сединой, коренастого.

— Лишь чёрные формы. Упрямые гады.

— Это подразделение «СС». Видал их раньше?

— Лишь тела, живыми — нет.

— Передай нашим, — обратился капитан к радисту, — пусть подкатят пушки и обстреляют тот квартал. Засели, суки, не выбьешь. Радист включил рацию, одел наушники.

— Передали, что через полчаса смогут обстрелять этот квартал, — ответил радист.

— Хорошо, мы подождём.

— Капитан, приказали добыть пленного, желательно офицера «СС», — добавил радист.

— Передай, что постараемся. Все слышали, — сказал капитан, обращаясь к солдатам.

Рота расположилась у полуразрушенной стены. Окруженные, загнанные в мышеловку немцы, что-то заподозрили и отчаянно вели огонь по укрывшимся за стенами русским солдатам.

— Видишь, как усердствуют, — сказал капитан. — Чувствуют, что конец их близок.

— Это они в агонии, товарищ капитан, — ответил молодой рыжеволосый солдат. — Надо им помочь...

— Подождём, — ответил капитан. — А знаете где мы?

— В Берлине, бьём фрицев, — кто-то ответил. Раздался смехок среди солдат.

— Не просто в Берлине, — сказал капитан. Судя по карте, впереди рейхсканцелярия Германии. Центр зла.

— Когда мы очистим это здание, — ответил пожилой солдат, — его надо взорвать, чтоб камень на камне не остался.

— Я слышал, там Гитлер прячется, — сказал молодой солдат.

— Гитлер и Геббельс, — ответил капитан. — Там их апартаменты.

— Что, неужели эти нелюди там живут?

— Вероятнее всего, что их там уже нет, сбежали.

— Дайка погляжу.

Молодой человек высунул голову и увидел большое трёхэтажное здание, откуда вёлся огонь.

— Пригни голову, не дури! — сказал пожилой солдат, взяв рыжеволосого юнца за руку и оттащив от края разбитой стены.

— Вы чего, — обиженно сказал парень, — я хотел поглядеть на окна. Вдруг увижу...

— Что, Гитлера там хотел увидеть? — язвительно спросил капитан. — Гитлер в бункере, он боится драться. Скрылся за толстыми стенами.

— Что за бункер?

— Под рейхсканцелярией находится фюрербункер, где скрываются Гитлер и его окружение. Разве не знал?

— Нет.

— А ты хотел увидеть Гитлера в одном из окон, с автоматом в руках?

Раздался смех среди солдат.

— Эта крыса надёжно спряталась в своём логове. Так просто не выкурить.

В этот момент послышались многочисленные взрывы.

Артиллерия била по зданию, стены трещали, падали камни. Солдаты, укрывшись за стеной разрушенного здания, ждали окончания артобстрела.

— Кажись, прекратили, — заметил

капитан. — Пора в бой.

Он огляделся, его товарищи поднимались из своих укрытий.

— Ну вот, теперь, Алёша, — обратился капитан к пытливому молодому человеку, — ты можешь взять в плен какого-нибудь эсэсовца. Там их много будет. Мы им немного дали по зубам.

Молодой человек не ответил, его не было рядом. Вместо него ответил пожилой солдат.

— Не сможет Алёша больше воевать, и Гитлера он так и не увидит. Не сможет ему сказать, стоя один на один...

— Снайпер, — с грустью сказал командир, глядя на рыжие кудри и молодое безжизненное лицо.

— Еще минуту назад, мы говорил с ним.

Тело погибшего Алексея свисало со стены. В голове виднелось пулевое отверстие.

— Он хотел увидеть Гитлера, — добавил пожилой солдат, — и сказать ему все, что... — какой-то сильный, невыносимый спазм сковал голосовые связки, не дал закончить фразу.

— Ничего, — ответил капитан. — Мы побываем там, и я лично напишу его имя на развалинах рейхсканцелярии.

Солдаты ринулись в бой. Они перебежали площадь, разделявшую их и трёхэтажное здание, где укрывались оглушённые фрицы. Уже на

подходе к зданию вновь раздались выстрелы, но они были направлены не на площадь, не на тех, кто атакует. Ни одной пули не было выпущено по площади.

— Стреляют внутри!

— Странно это.

Одиночные выстрелы всё ещё были слышны из глубин огромного здания.

Рота, под командованием капитана, ворвалась внутрь рейхсканцелярии. Странная картина предстала перед ними. На полу лежали тела эсэсовцев, в разных предсмертных позах. Все они были убиты — но каким странным образом. В головах трупов виднелись дырки.

— Я не помню, что бы мы так прицельно стреляли.

— Мы вообще не стреляли, — ответил капитан, задумавшись. — Мы вели огонь снаружи, а тела внутри.

— Их добились, свои же, — догадался кто-то из солдат.

Один из солдат подошёл к трупу, наклонившись над ним.

— Капитан!

— Что, есть раненый?

Капитан подошёл ближе.

— Нет, этот тоже мёртв. Но если он немец, то я эскимос.

— С чего ты взял, что... — капитан замолчал. Его внимание привлекло лицо мёртвого эсэсовца. Лицо было необычным для немца. Узкие глаза, широкие скулы. Это было очень красивое лицо азиата.

— Кто он?

— Японец, — предположил пожилой солдат. — Союзник немцев.

— Это не японец, — сказал кто-то из солдат.

— Почему ты так считаешь? — спросил капитан.

— Когда-то до войны к нам в город, я живу в Бурятии, приезжали рабочие из Японии. Они худые, маленькие, разрез глаз более узкий, скулы. — Он задумался, — не такие...

— Широкие, — догадался капитан.

— Совершенно верно.

— Товарищ капитан, — там тела ещё пятерых азиатов. — Вы были правы.

— Насчёт чего?

— Они своих добивают.

— Жестокие, — сказал пожилой солдат.

— Не хотят сдаваться в плен, — предположил капитан. — Что ж, так мы легче пройдем дальше.

Азиаты, облаченные в чёрную эсэсовскую форму, вели ожесточённое сопротивление. Они бились до последнего патрона, добивали своих раненных, в плен не сдавались. Они, казались,

столь же бесстрашными, сколь преданными своему хозяину. Казалось, что смерть была их командиром, указывая им путь в преисподнюю.

Глава 2. Экспедиция в Тибет

1939 год, Тибет.

Горы, эти величественные великаны, поднявшиеся над равниной, цепью окружили старинный город, храня его от всех бед огромного мира. Здесь, в уединении, в окружении горных хребтов, укрылся причудливый город, жители которого не знали войн и ненастья. В своём, казалось бы, незамеченным никем существовании, город Лхасу жил своей девственной жизнью. Здесь, на крыше мира, располагалась резиденция регента Тибета Квотухту. Красивейший красно-белый дворец величаво взирал на город, окаймлённый высокими стенами.

Немецкая экспедиция, под руководством штурмбаннфюрера СС Эрнста Шеффера, добралась до резиденции красивейшего древнего строения, напоминавшим замок, к вечеру на закате дня, когда солнце уже скрылось за пиками горных хребтов, озолотив их, словно божественной аурой.

Проводник, родом из Тибета, владеющий

немецким языком, перевёл речь монаха, встретившего церемонно экспедицию.

— С регентом вы можете встретиться завтра утром. А сегодня отдыхайте. Вас проведут монахи и расположат в комнатах. Там всё готово для вас.

— Вы с нами будете? — спросил Шеффер проводника. — Я нуждаюсь в переводчике. Мне бы хотелось, чтобы вы...

Монах жестом подозвал проводника и шепнул ему что-то на ухо. Шеффер выждал.

— В этом нет надобности, — ответил, улыбаясь, проводник. — Далай-лама знает немецкий.

Шеффер не показал вида, что удивлён. Он лишь качнул головой, добавив:

— Отлично.

Доктора Бруно Бегера и Эрнста Шеффера расположили в одной комнате, где окна выходили во внутренний двор. За окном была приятная тишина. Тени, спустившиеся с гор, заполняли дворик, укрывая резиденцию Далай-ламы теплым покрывалом сумерек. Вечер был тёплым, во дворе стали зажигаться фонарики, свет которых приятно ложился на древние стены и причудливые внутренние постройки резиденции.

— Да, сами бы мы не окунулись в это хранилище истории, — сказал Шеффер, сидя у окна, наслаждаясь приятной прохладой ночи.

Доктор Бегер распаковывал чемодан, вынимая из него сложенные в несколько раз карты, стопку тетрадей, несколько книг.

— Благодарите вашего покровителя.

— Вы имеете в виду рейхсфюрера Гиммлера? — спросил Шеффер. — Это же он организовал и спонсировал нашу экспедицию.

— Только между нами, Эрнст. Гиммлер мало образован в науках. Его лишь интересуют деньги и власть. И вы — тот, кто ему даст это.

— Нет. Это было бы выше моих сил.

— Что здесь, в бедном городе, вдали от Европы, можно взять, кроме бедности? — спросил Бегер.

— Вот здесь вы ошибаетесь. Гиммлер не так глуп, как вы его считаете. Да, он солдат, и готов отдать жизнь за фюрера и Германию. Он, конечно же, ничего не понимает в науке, но рейсхфюрер политик. Богатство и власть над миром Германии, некогда потерявшей своё могущество, дадут другие. Скорей всего это будут банкиры и солдаты.

— Солдаты? — удивился Бегер, укладывая книги у стенки.

— Да, да, Бруно, солдаты. Но для того, чтобы солдаты имели нерушимый воинский дух, нестибавшую волю, нам с вами предстоит не только найти центр могущества — Шамбалу, как её здесь называют, но и доказать, привести факты того, что

есть крыша Мира.

— И мы достигли крыши Мира?

— Да, Бруно. Именно здесь, в Лхасу, где обитает регент Квотухту, находится древний, утерянный центр Мира.

— Я не совсем понимаю. Когда ты пригласил меня в эту экспедицию, как антрополога, то сказал, что я буду изучать местное население, то есть выполнять простые научные измерения. А теперь ты утверждаешь, что мы находимся не в деревне, вдали от цивилизации, а в каком-то божьем царстве.

— Всё верно. Цель экспедиции, истинная цель, была известна только мне. Я твой руководитель.

— Ты ведь здесь уже был.

— Верно. Я был в Тибете в двух экспедициях: в 31-й, 32-й годы, и с 34-го по 36-й года.

— Насколько я знаю, немецкой экспедиции в Тибет не было, — с сомнением сказал Бруно.

— Ты прав. Это были американские экспедиции.

— Что же они искали? Надеюсь не Шамбалу.

— Нет, мы проводили те же исследования, что и сейчас. Тогда я собирал зоологические и ботанические экземпляры. Насекомые, растения, животные...

— Это понятно, как биолога тебя это

интересовало. Но что ты теперь намерен делать, неужели опять исследовать насекомых?

— Нет, конечно же, нет. На этот раз наша миссия куда более значимая. Шамбала — это не простой звук, не пустое слово. Конечно же, нет. Теперь наша миссия куда более значимая. Ни ты, ни я не готовы верить в Шамбалу, как некую божественную силу, могущество. Но это и не нужно.

— Стало быть, мы не будем изучать местный фольклор и древние мифы о несуществующей мистической силе.

— Верно, главное, чтобы в эту силу поверили все остальные. Если с нами будет сам Бог, то фюреру покорятся все народы.

— Теперь понимаю замысел рейхсфюрера. Он дальновидный политик.

— Гитлер одобрил его план и нашу экспедицию. На нас возложена великая миссия, которая останется в истории.

— И, как я понимаю, — иронически сказал Бруно Бегер, — нас впереди ожидает большой труд.

— И великий. Не каждый день приходится доказывать, что Бог существует, — заметил Шеффер.

— Все, кто это доказывал, рано или поздно плохо кончали, — мрачно заметил Бегер. — Что же ты хочешь от меня? — спросил Бруно, глядя смело

товарищу в глаза, ожидая реальных целей.

— Мы будем делать свою работу, как и всегда. Биологи будут исследовать животных, географы — карты, геологи — минералы, геофизики — землю, а антропологи и этнографы, как ты, будут изучать коренных тибетцев.

— А кинооператор, который нас от самого Берлина снимает?

— Он, между прочим, из нашего института Анен Эрбэ. Пусть его камера незаметно шумит, он привезёт доказательства, снятые на плёнку. Гиммлер может ничего не понимать в антропологии и геофизике, но посмотреть, увидеть нашу работу захочет.

— Ясно. Я заметил возню геофизиков ещё на горе Канченджанги, когда они устанавливали там какие-то передатчики сейсмоактивности. Зачем фюреру или рейхсфюреру знать о сотрясении земной коры в Тибете?

— Это их работа, геофизиков. Оставим их. Лучше поговорим о твоей работе.

— Я уже понял, что мне предстоит измерять самое отсталое население, тех чудаковатых богов, в их красных облачениях. И кому только такая дурацкая идея пришла в голову?

— Мне, мой друг, мне. Ты удивлён?

— Ничуть. Заставить своего лучшего друга тащиться чёрт знает куда...

— На крышу Мира, — поправил его Шиффер, улыбаясь.

— Да, на эту чёртову крышу Мира, чтобы изучать каких-то желтокожих, полуграмотных мужиков. Спасибо, что твой быстрый и изворотливый разум не привёл меня в Африку, к чёрным.

— Ты не прав. Во-первых, ты учёный, и тебе должно быть интересно изучение жизни и быта тибетцев.

— А во-вторых? — с иронией спросил Бегер, всё еще ожидая ответа.

— Во-вторых, и в главных, тебе предстоит самая трудная задача нашей миссии.

У Бегера поднялись брови от удивления.

— Тебе предстоит, — продолжил Шеффер, после короткой паузы, в течение которой, друг проникся важностью задачи, — не просто исследовать строение черепов этих тибетцев, но и доказать, что наша раса имеет общие корни с древней господской расой.

— Поясни, — заинтересованно сказал Бегер. Похоже, что слова его товарища разожгли в нём некоторые мысли.

— Нам, Германии, Гиммлеру необходимо обоснование расовой теории господ и рабов. Мы должны здесь, в Тибете найти наследие древней расы господ.

— Германских арийцев?

— Верно. Тебе предстоит доказать, что германская цивилизация является более древней, чем египетская цивилизация.

— Ого! И ты считаешь, что в Тибете я должен найти следы древних господ арийцев? Да тут не только арийцев, тут даже цивилизацией не пахнет. Эти темные коротышки всю жизнь прятались в горах, не высовываясь. Какая могущественная цивилизация, какая раса господ? Им бы дожить незаметно, спрятавшись за этими камнями, — возмущенно сказал Бегер.

— Найти или доказать, неважно. Все нации мира должны поверить, что мы, немцы, имеем происхождение от древних богов.

— Сверхлюдей?

— Пусть будет так, сверхлюдей.

— А если кто-то не поверит в наши исследования?

— Поверят, а кто будет сопротивляться, воюя против нас, — мы сотрём их с лица земли.

— Принесём в жертву богу?

— Отличная идея. Люди суеверны.

— И кого же Гиммлер готов принести в жертву? — спросил Бегер.

— Почём я знаю: африканцы, арабы, евреи, или цыгане, какая разница.

— И ты считаешь, что другие нации:

французы, англичане, русские поверят в то, что мы имеем корни древних богов — атлантов, живших когда-то? О них ничего не осталось, лишь несколько смутных упоминаний в мифах, случайно сохранившихся.

— Не случайно, Бруно, не случайно. Я давно изучаю живое, населяющее планету. Так вот, в своих исследованиях многие учёные полагают, что в этом мире, созданном кем-то, нет случайностей, всё предопределено и достаточно разумно устроено, развивается по своим, пока ещё закрытым для человека законам.

— И кто же это предопределил, кто создал этот мир, кто хозяин человеческой расы? — саркастически спросил Бруно.

— Надеюсь, Бог.

— То есть ты не веришь в теорию Дарвина? — спросил Бруно Бегер.

— Теория Дарвина — это хаос, а из хаоса не может появиться разум. Ты-то, как ученый, должен это знать. Теория Дарвина — это ширма для необразованных и наивных людишек, готовых поверить во всё, что ими определено или осязимо. Законы в таком мире, в мире приматов и насекомых не будут логичными. Цепь развития давно бы распалась, и человека бы не было. Но ведь есть и существует такие понятия, как сообщество, адаптация, симметрия. Живой организм — это

симметричное существо, у него имеются пары органов: два глаза, два уха, мозг состоит из двух половинок...

— Это ясно, дальше что?

— Всё это необходимо для выживания и развития. А каков идеальный механизм адаптации — приспособление к жизни, формирующий программирование инстинктов и правил поведения, не только индивидуальные, но и коллективные, как это наблюдается у людей. А каково разумное многослойное распределение рецепторов внутри тела живого организма, каждый рецептор отвечает только за свою функцию. Разве это всё может появиться из хаоса? Ты попробуй найти в этом мире хоть одну сущность нелогичную, не нужную, не имеющую смысла...

— Ну, хорошо, хорошо, убедил, не зря ты биолог, а я всего лишь этнограф и антрополог, — сдался Бегер. — Но скажи мне, доктор Шеффер, а как быть с генетикой? Ведь наций много: белые, чёрные, жёлтые, высокие, худые, толстые, кривоногие, узколицы, короткие, красивые и уродливые, глупые и способные...

— Я понял, к чему ты клонишь. Эту идею мне подсказал один старый биолог, мой учитель, мир его праху.

— Поделись с другом, — настойчиво сказал Бегер.

— Хорошо, слушай. Мой учитель полагал, исходя из генетики, что такие народности, как негроидная, а также азиаты несут плохие гены.

— Что он имел в виду? — спросил Бегер.

— Уродуют человека, портят его генетику, скрещиваясь с белыми. Он считал, что когда-то, во времена атлантов существовала лишь одна белая раса.

— Стало быть, лучшая раса — люди с белой кожей? Но откуда тогда взялись другие расы?

— Он выдвинул несколько предположений, и все они ведут к тому, что иные расы не были доминирующим звеном в развитии человека.

— То есть, поясни?

— Они были рабочей силой, — ответил Шеффер. Участвовали в строительстве городов.

— Ты хочешь сказать, что они были рабами?

— Не обязательно, но они не имели привилегий.

Бруно вытянулся, словно демонстрируя благородное происхождение.

— Возможно, эта вся прислуга, увеличившись в количестве и наглости, заявила о себе — перестала подчиняться. И началось восстание, бунт — кровавый и беспощадный. Это была война на выживание, как среди животных видов, конкурентов, борющихся за свой ареал.

— Если Бог создал разумный мир, как ты

утверждаешь, то почему не предвидел эту бойню. Ведь она — явно вышла из под контроля, и является, скорее детищем хаоса, а не разумного закона.

— Как знать, как знать. Ведь человечество до сих пор ничего не знает о своем создателе. Так вот, слушай дальше. Одна из его теорий, моего учителя, говорит о том, что и среди людей с белой кожей тоже не всё ладно. Шло время, человечество менялось, смешивалась кровь. Возможно, это произошло из-за войн, как ты предположил. Белая раса тоже изрядно мутировала. Его расчёты, которые он вывел, исследуя сотни случайно выбранных людей из разных стран Европы, показывают, что блондины имеют плохие гены.

— Что же он советует? К каким выводам он пришёл?

— Он считает, что человечеству ещё не поздно объединить усилия и вновь воссоздать расу господ.

— Как же он считает это возможно?

— Путём скрещивания, как это делает природа, но разумно. Для появления новой расы нужно взять белого человека и человека с монголоидной расы.

— Монгола? — удивился Бегер.

— У немцев вытянутое лицо, а у монголов широкие скулы. Сочетание того и другого дадут

правильные черты лица, схожие с атлантами.

— Да, не зря монголы так легко завоевав полмира, господствовали долгое время.

— Их раса спала до определённого момента, а затем проснулась и вспомнила, кем они были. Эта сила, что когда-то пылала в наших телах — сила лидеров, не утратила своей мощи, она просто уснула, как мамонт во льду, — сказал Шеффер.

— Как же эта теория осуществима, если кровь за много десятков тысяч веков изменилась, разбавилась?

— Необходимо выбрать среди немок самых стройных, здоровых, с правильным, без патологии, строением скелета и...

— Что?

— Эти женщины будут матерями будущих арийцев — расой господ, властелинов мира. Мы должны исправить ошибку Бога. Эта миссия возложена, а быть может, и запрограммирована Создателем.

Шеффер сел на кровать, зарылся в одеяло, съёжившись.

— Холодно здесь ночью, — сказал он. — Да, на счёт блондинов, я пошутил. Это не проверенная гипотеза. Есть лишь малые догадки. Ты знаешь, сколько среди любимцев фюрера блондинов. Кое-кто из ставки считает, что арийцы, истинные арийцы, должны быть блондины с голубыми

глазами.

— А ты что считаешь?

— А что я могу сказать. Нам платят, и я выполняю работу.

— Но, как я понимаю, начальство имеет свои виды на счёт внешности сверхчеловека, — с иронией сказал Бегер.

— Я ничего не имею против синих глаз и белых волос, а ты?

— Мне тоже всё равно.

Глава 3. На крыше Мира

На встречу с регентом Тибета Квотухту пошли Шеффер и Бегер. Квотухту говорил с ними с почтением, как говорят с важными компаньонами. Он заметил, что их встреча не случайность. Назвал её встречей западной и восточной свастики, которая послужит во благо процветания двух стран. После короткой, но тёплой, дружеской, почти братской беседы, они посетили священное место Ярланг, где прошли древние ритуалы и религиозные танцы в ритуальных масках, а также бонские обряды вызывания духов.

После религиозной церемонии, которая должна была скрепить дружбу между Тибетом и Германией, и придать этому союзу духовные, древние корни, сделав его как необходимым,

неизбежным — так хотели предки, такова воля богов, регент подарил фюреру в знак верности Ганджур — свод буддийских священных текстов в ста восьми томах. Тексты должны быть доставлены экспедицией фюреру по возвращении в Германию.

Шеффер передал Квотухту письмо от фюрера, где была выражена огромная признательность за сотрудничество и обещана поддержка в популяризации буддизма на востоке, с повышением влияния силы Далай-ламы на всей поднебесной и прилегающих ей стран. О такой поддержке Квотухта и не мечтал, но узнав о мощи Германии, её возможностях, он решил не возражать против сотрудничества. В любом случае — победы или поражения Германии, Тибет ничего не потеряет.

Тибетский регент с вдохновением сел за стол и написал ответ Гитлеру: «Глубокоуважаемый господин король Гитлер, правитель Германии. Да придёт с вами здоровье, радость покоя и добродетели! Сейчас вы трудитесь над созданием обширного государства на расовой основе. Поэтому прибывший ныне руководитель немецкой экспедиции сахиб Шеффер не имел никаких трудностей в пути по Тибету. В Лхасу, где находится экспедиция, мои люди будут всячески способствовать столь важным научным исследованиям Шеффера и его коллег. Надеюсь, что эти исследования принесут великую пользу для

всего германского народа и послужат новым прорывом в развитии человечества. Примите, Ваша светлость, король Гитлер, наши заверения в дальнейшей дружбе! Написано 18 числа первого тибетского месяца, года Земного зайца».

Регент передал запечатанное письмо с регалиями Далай-ламы своему секретарю. На следующий день секретарь регента торжественно вручил доктору Шефферу письмо со словами:

— Квотухту искренне уверен, что подписание пакта с высшими силами изменит на тысячелетия жизнь на земле и придаст смысл ныне бесцельному делу человечества.

Шеффер принял письмо и передал благодарность регенту.

— По вашей просьбе, — продолжил секретарь, — у вас останется в качестве переводчика ваш проводник. И ещё мы вам дадим в сопровождение по Лхасу, нашего помощника. Это преданный и исполнительный молодой человек. Он поможет вам в трудностях, которые могут возникнуть в ваших перемещениях по древнему городу.

— Благодарю, — ответил Шеффер, подумав про себя: «этот будет следить за каждым нашим шагом, а потом докладывать начальству. Что ж, пусть будет так. Доверяй, но проверяй».

В девять утра, когда солнце изливало свои

яркие потоки на город, шестеро членов экспедиции и двое сопровождающих тибетцев поднялись на склон горы. Позади них, в светлых лучах солнца блистал Будалинский дворец. Его величественная середина из красного камня, где находились главные строения дворца, была окружена высокими стенами, построенными из белых камней, словно дворцу, помимо неприступных и высоких гор, нужна была еще какая-то защита. Это красно-белое пятно ослепительно сияло на фоне причудливых гор.

Шеффер предложил фотографу сделать снимок членов экспедиции на фоне дворца. Пятеро немцев, молодых (средний возраст двадцать семь лет) исследователей и двое азиатов сели на камень. Бегер не выпускал изо рта трубку, продолжая зачарованно смотреть на горы.

Усевшись на камне, и свесив ноги, на которых были надеты сапоги до колена, эти молодые бородатые люди, беззаботно улыбаясь, в их сердцах гуляла романтика, скрываясь за занавесом легкой настороженности в предвкушении небывалых открытий. Помощник секретаря регента Сяо, приставленный к экспедиции держал строгость, подобающую человеку его должности. В лицах молодых учёных проскальзывала надежда на успех в дальнейшей работе.

— Какова высота самой большой горы? —

спросил Шеффер у Сяо.

Понадобилась помощь проводника.

— Выше пять с половиной тысяч метров, — ответил переводчик.

— Эта река, что проходит через город, она, видимо, тянется с этих гор? — спросил Шеффер.

— Да, её название Кьи-чу, она берёт начало в горах и имеет несколько рукавов.

Бруно Бегер, прознав про большую кладовую древних рукописей и книг от Сяо, пожелал отправиться в горы, где находится многотомное хранилище древних рукописей. Сяо позволил ему, но дал в сопровождении монаха.

В одной из комнат хранилища, расположенного в замке, Бруно Бегер, провозившись там несколько часов, наткнулся на странный рисунок. Изображение было на старинной дощечке, о которой он рассказал Шефферу.

— Почему же ты её не принёс? — спросил Эрнст.

— Монах сказал, что её можно лишь изучать, но выносить за пределы хранилища нельзя, — пояснил Бегер.

— Что на ней изображено? Что тебя так удивило?

— Это был рисунок земли.

— Земной шар? — удивленно спросил Эрнст.

— Да. Но рисунок не просто земного шара. Он был изображён полым.

— Что? Полая земля? — еще раз удивился Шеффер, на этот раз он не скрывал своей заинтересованности.

— Да. Я спросил, сколько лет этому рисунку?

— И сколько?

— Монах-библиотекарь точно не ответил. Он сказал, что его прадед видел этот рисунок, и считает, что ему более трёх тысяч лет.

— Это вряд ли, — усомнился Шеффер.

— Может быть, это фантазия художника, пожелавшего изобразить шар голым.

— Что же там внутри? — с любопытством спросил Шеффер.

— Это не всё, что меня удивило. На рисунке были изображены два входа в центр земли: на северном и южном полюсах.

— Любопытно.

— Когда я уходил, монах вдруг ухватил меня за руку и сказал шёпотом: «там находится спящая сила».

— Внутри земли?

— Видимо, он это имел в виду, — ответил Бруно.

— А что ты вообще искал в библиотеке?

— Происхождение народа, его историю, обычаи, ритуалы.

— Понятно.

— Это не всё. Я спросил его о Шамбале. Он показал мне полку с книгами и древними рукописными дощечками и добавил: «Учение Шамбалы, настолько священо и высоко, что даже незначительная крупица знания Шамбалы, сама по себе благодатна и может кардинально изменить жизнь человека на земле, в этой жизни».

— Что значит «в этой жизни»?

— Тибетцы верят в реинкарнацию человеческой души.

— Души умерших, ищущие новое тело, — иронически сказал Шеффер. — Бессмертное ищет уединение и защиту в смертном и тленном. Как улитка ищет раковину, чтобы выжить. Ты веришь в это?

— Я понимаю твою иронию. Ты биолог, и привык доверять лишь фактам, и выводить законы на опытах, но я антрополог и этнограф. Меня всегда интересовал человек, его мысли, действия, история, и, конечно же, душа, как нечто неопределенное, таинственное, прчущееся за ликом грешника.

— Что такое, ты поверил тибетскому мифу о спящей силе под землёй? Словам какого-то полуграмотного монаха.

— Нет, разумеется, нет, но... — он задумался, — но нужно ли искать эту силу в мистическом несуществующем месте? Может она

находится внутри человека, в его сердце, и нам следует лишь прислушаться к себе, хоть немного?

— Я не могу тебе сказать об этом месте, — вздохнув, ответил Шеффер, — насколько оно велико и древнее, но хочу сказать о своём взгляде. Я давно уже замечал, что в истории развития человечества есть одна странная связь. Рядом с бесценной культурой, стоящей много миллионов, обрамлённой золотом, не имеющем цены творениями скульпторов и художников, человек изменяется, он чувствует себя властелином мира.

— Ты хотел сказать господином мира.

— Да, сверхчеловеком, богом. Ты сними отпечаток этого рисунка. Для Гиммлера, ему это понравится.

— Хорошо, это не сложно. Завтра хочу сделать анатомические измерения тибетцев, — сказал Бруно Бегер. — А что наши геологи и физики, чем заниматься будут?

— Собираются в горы. Сейсмическая активность, минералы — это их удел. Я же займусь насекомыми и животными. Говорят, что где-то в горах неплохо сохранились скелеты древних животных. Кстати, монахи что-то говорили о древнем кладбище людей. Не интересуешься?

— Ты серьёзно, — заинтересовался Бруно. — Если хочешь, пойдём вместе в горы, там разделимся.

— Договорились.

В городе и прилегающих селениях доктор Бруно Бегер провел многочисленные измерения. Вскрыть могилы ему не разрешили. Зато он мог свободно проводить анатомические измерения среди живущего населения. Впрочем, обратившись к Сяо, Бруно всё же разрешили войти в усыпальницу со старыми захоронениями, чему он был чрезвычайно рад, и где он провёл снятие гипсовых масок. В селениях сделал множество антропологических измерений местного населения. Он изучал строение местного населения для выявления нордических примесей.

Один из старых монахов, работающих во дворце с книгами, где Бруно было позволено сделать копию странного древнего рисунка полой земли, посоветовал ему посетить старинное захоронение, хранящееся под дворцом, в глубинах подземных строений, напоминающих братскую усыпальницу. Один их монахов провёл его по мрачным туннелям к древним захоронениям.

Очевидно было, что человек здесь бывал редко. По словам монаха, кое-как говорившего на английском языке, Бруно понял, что скелеты (их было более трёхсот) принадлежали некогда слугам и родственникам Далай-ламы, которые когда-то служили и повелевали своим народом.

По внешнему виду многим скелетам —

довольно хорошо сохранившимся — было свыше двухсот лет. Старый монах зажѣг несколько свечей и уселся на камень, сложив под себя ноги, как это делают молящиеся. Жѣлтое пламя свечи, которую Бруно установил рядом с захоронением, высвечивало во мраке призрачные зловещие очертания скелетов — всё, что осталось от некогда живших тибетцев. Бруно Бегер вынул из сумки измерительный прибор, сделал несколько измерений черепов, лежащих рядом с ним. Потом ему захотелось закурить, но вспомнив, что табачный дым может навредить, чудом сохранившихся, останков, он сунул трубку обратно, в карман. Вынув из сумки блокнот и карандаш, с которыми он никогда в походах не расставался, подсев ближе к горевшей ровным пламенем свече, Бруно сделал запись своих измерений. Начертив табличку, куда он вписал размеры исследуемых им черепов, он перевернул лист и записал: «Изучение останков нордических переселенцев в Тибет на предмет выявления остаточных признаков нордических черт, определение полноценных рас, смешанных и неполноценных, а также исследования влияния климата на психику и физиологию людей...»

Неожиданно он остановил запись. Ему показалось, что пламя свечи чуть заиграло, колыхнулось. Он посмотрел на ровное пламя и

успокоился, возможно, ему это показалось. Он огляделся. Кругом были стены в призрачном сумраке. Монах по-прежнему сидел на своём месте, словно каменная статуя Будды, лицом к стене и, казалось, не шевелился. Бруно вновь окунулся в работу. Он полагал, исходя из наблюдений и тех многочисленных исследований, проведённых членами экспедиции и им лично, что некогда господствующая арийская раса распалась по причине скрещивания с низшими расами, но её выжившие представители, то есть древние германцы, могли быть обнаружены среди таинственных мудрецов Тибета. Он предположил, что возможный много веков назад бунт, атланты могли легко подавить, если бы не предательство среди них самих.

Он сделал запись на основании исследования и, желая подтвердить то, что от него хотели услышать, написал: «Исследуемые мной черепа древних тибетцев могут быть звеном для германо-японского альянса».

Он вновь задумался. Перед его глазами пролетели десятки, сотни тибетских лиц. Он сравнивал их с арийскими чертами. Собрав воедино сходства и отличия, в его сознании созрело несколько теорий. Согнувшись над блокнотом, он сделал запись: «Тибетцы занимают промежуточное положение между монгольскими и европейскими

элементами, явно проявляющиеся среди аристократии...» Так нужно было Германии, это нужно было Гиммлеру и фюреру.

Неожиданно, ему вновь показалось, что пламя свечи отклонилось. Он перевёл взгляд на свечу, пламя восстановилось, но он успел заметить, что незначительное отклонение было. Он сунул блокнот и карандаш в сумку, взял свечу в руки и медленно пошёл вдоль стены, где лежали скелеты. Монах по-прежнему хранил покой и казался безучастным. Слабый свет свечи освещал Бруно путь. Он отделился от входа в захоронение. Казалось, что туннель не имел границы, но вот в пляшущем пламени появились очертания стены. Это был тупик, дальше хода не было. Он остановился, но, к его удивлению, пламя продолжало отклоняться, словно он шёл. Тщательным образом, исследовав стену, где не было ни одного скелета, он заметил, что в ней есть проход. Здесь, совершенно незаметно для наблюдателя, стоявшего поодаль от тупика, стена заходила за стену. Оглянувшись, он смог различить неясный силуэт монаха, по-прежнему сидящего у входа. Казалось, что он спал сидя. Пройдя за стену, Бруно оказался в небольшом сыром помещении. Он ясно видел его удивительно ровные стены и ниши в них. Чёрные, казавшиеся, бездонными, дыры в стенах, оказались не пустыми, в них были скелеты.

В каждой нише по одному захоронению, то есть по одному скелету. Пройдя одну стену, он вдруг наткнулся на небольшую — высотой в полметра — пирамиду черепов. Что-то зловещее было в этой мрачной пирамиде. Черепа были уложены друг на друга очень аккуратно. Внизу были большие черепа, возможно, взрослых людей, далее черепа уменьшались в размере. На самом верху располагался очень маленький череп, видимо, принадлежащий ребёнку. Какая неведомая и страшная болезнь погубила всех этих, некогда живших, людей?

Бруно выпрямился, чтобы осмотреть противоположную стену, но, не успев отойти от пирамиды, он вдруг услышал позади шорох. Он вздрогнул. Оглянувшись, он увидел пирамиду. Казалось, что ничего не изменилось. Все черепа были повёрнуты под одним углом и, казалось, смотрели на него своими чёрными дырами, где когда-то были живые глаза. Леденящая волна прокатилась по его спине. Какое-то скрытое чувство тревоги посетило его разум. Он успокоился, подумав о крысах, и уже хотел повернуться, как вдруг пламя свечи выхватило из мрака лежащий на полу череп. Очевидно, он скатился с пирамиды. Бруно присел, взял в руки череп. На первый взгляд он мало чем отличался от уже исследованных черепов. Бруно вдруг

захотелось нарисовать его. Он сел на каменный пол, поставил свечу на пол, достал блокнот с карандашом и принялся рисовать. Пламя свечи бросало тень, неудобную для рисования — не были видны кости лицевого черепа. Бруно решил поправить череп. Он взял его одной рукой, аккуратно придерживая пальцами за основание черепа. Ему показалось, что череп зловеще улыбался. Второй рукой он поправил нижнюю челюсть, казавшуюся ему, расположенную в неестественном положении — слегка сдвинутой в сторону. Но лишь прикоснувшись к костям челюсти, череп развалился в его руках. Видимо, он был слишком хрупок от времени. Всё что он успел поймать, на лету — было костями (всё ещё державшимися вместе) верхней части черепа. Он осмотрел его, заглянув внутрь. В пляшущем пламени свечи, которое вновь необъяснимо заиграло, он увидел неясное изображение — какие-то полосы. Ровные полосы, были расположены на теменной и лобной кости, с их внутренней стороны. Что это? — думал Бруно. — Игра воображения, или света и тени. Он присмотрелся, приблизив свечу к костям. Сомнений быть не могло. Полосы напоминали неглубокие царапины, словно кто-то звериными когтями прошёлся по внутренней стороне черепа в области лобной теменной кости. В более ярком свете,

приблизив свечу почти вплотную к почерневшей от времени лобной кости, он вдруг заметил, что полосы, расположенные в три ряда, казались прерывными — они распадались на короткие и длинные отрезки. Он исследовал эти странные линии и пришёл к поразительному, почти зловещему выводу: все короткие отрезки были равны друг другу, а длинные были равными между собой. Что это, простое совпадение или закономерность? Поразмыслив, он пришёл к заключению, что странные полосы из коротких и длинных отрезков были сделаны кем-то. Но как это могло быть, ведь череп, когда Бруно в первый раз взял его, казался целым?

Он поднялся и подошёл к пирамиде, откуда, возможно, скатился удивительный череп. Найдя место, где отсутствовал череп, он брал в руки черепа и разламывал их. К его удивлению внутри черепов не было найденных им ранее полос, кости были сухими и гладкими. Пламя не отклонялось. Он пытался отыскать источник сквозняка, но ничего не нашёл. Пламя свечи застывало всякий раз, когда Бруно тщетно осматривал стены и углы комнаты. Бруно торжествующе показал свою находку своему другу, Эрнсту Шефферу. Тот внимательно осмотрел её, вертя в руках.

— Ты уверен, что череп был цел, когда ты его обнаружил? — спросил Шеффер.

— По-твоему я держал череп впервые, — возмутился Бегер. — Через мои руки прошли тысячи черепов. Этот был цел, но стоило мне прикоснуться к нему, как он развалился.

— Какие идеи у тебя на счёт этих странных рисунков? — задумчиво спросил Шеффер.

— Ты полагаешь... — он задумался. — Ты считаешь, что это рисунок?

— У тебя ведь бродит в голове та же мысль, не так ли? Иначе, зачем ты мне это показал.

— Меня удивило, что линии были сделаны, как будто...

— Ты хочешь сказать, что это царапины?

— Да, царапины. Но как?

Шеффер ничего не сказал. Он приподнял брови, окунаясь в фантастические образы. Что-то сравнивая и анализируя.

— В одном из своих исследований, я столкнулся с похожими чёрточками.

— Так, так, — заинтересованно сказал Бруно. Его глаза засветились.

— Сейчас вспомню, ах вот... — Шеффер рылся в своей памяти, словно вспоминая давнюю информацию, — один из математиков, я не помню сейчас его фамилии, он открыл забавный код. Там были лишь два числа: нули и единицы. Ему удалось с их помощью, описывать любые числа. Представляешь, лишь два значения: пустота и

единица определяют всё сущее. Как просто, — говорил я тогда, это было фантастично.

— Что он тогда исследовал?

— Не помню. Он был американцем. Это было в 1932 году. Здесь, в Тибете, он сравнивал древние ритуальные символы, наподобие свастики. Помню, перед ним был рисунок: круг с чёрной и белой каплей в нём. Это, если не ошибаюсь, знак Великого Предела — Инь и Ян.

— Что они означают?

— Две противоположности. Тибетские мудрецы говорили, что эти противоположности заключают в себе зашифрованную, скрытую формулу законов существования. Древние философские категории. Ими можно всё определить, объяснив все законы и явления природы.

— Давай вернёмся к этому американцу, — предложил Бруно.

— Какому?

— Ну тому, кто занимался математической расшифровкой двух чисел.

— Он полагал, что лишь два числа могут определить мир.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Бруно.

— Всё и ничего. Ноль и единица могут определить или зашифровать божьи законы. Законы

тех, кто создал мир, тех, кто жил когда-то.

— Атланты, — невольно вылетела догадка у Бруно.

— Да, древние боги, населявшие землю. Это были первые подобные нам существа.

— Так ты полагаешь, что эти чёрточки, — короткие и длинные, есть не что иное, как зашифрованное послание? — спросил Бегер.

— Ты хорошенько исследовал характер их начертания?

Бруно поднял со стола кость черепа и внимательно всмотрелся в нацарапанные линии.

— Ты это хочешь показать Гиммлеру и фюреру? — спросил Бруно.

— Ты сам покажешь. Это по твоей части, и потом, это же ты их обнаружил, — ответил Шеффер.

Он подошёл к товарищу и указывая пальцем на кость сказал:

— Смотри, вот здесь и здесь, видишь? Они не повторяются.

— Так, и что? — спросил слегка заинтересованный Бегер.

— Это послание. Пусть наши спецы, математики и криптологи расшифруют эту запись. Я уверен, что это не просто случайные линии. Они хранились много веков.

— Но как они оказались внутри черепа?

— А ты можешь на все вопросы ответить?
Если это шифр, то фюрер должен знать первым его значение.

Глава 4. Шахта со стальной дверью номер восемь

*7 апреля 1945 год, 300
километров на юго-запад от
Берлина.*

День был пасмурным, накрапывал дождь. Холодные капли апреля то падали, добавляя к туману сырость и прохладу, то внезапно погода замирала, — прекращая мелкий дождь. В не паханных полях царствовали клубни пара, укутывающих чернозем.

Тяжелая техника свободно, без сопротивления со стороны немецких частей, продвигалась по размытой дороге. Впереди, рыча, ползли два лёгких американских танка, за ними, не спеша ехала бронированная машина, далее ехало два тяжёлых грузовика с солдатами. Несмотря на серость погоды, солдаты не унывали: они шутили, с лицами победителей осматривали проезжающие деревни, казавшиеся вымершими.

Колонна, проехав селение, выехала на

окраину, где вдоль земляной дороги тянулись виноградные поля. Голые кусты винограда, не успевшие укрыться зеленью, аккуратно посаженные заботливой рукой, тянулись вдоль поля ровными рядами.

Неожиданно колонна остановилась, моторы ещё рычали в ожидании хода. Несколько офицеров выпрыгнули из бронированной машины в придорожную грязь. Танкист, держа за руку девочку лет двенадцати, подошел к офицерам.

— Вот, — сказал сержант, указывая на девочку, не отпуская ее руки, — вот виновница остановки.

— Что случилось? — спросил капитан, строгим тоном. Он оглядел девочку, стройную, румяную, в сером платье и вязаном свитере, в чёрных сапожках.

Девочка, с нескрываемым интересом поглядывала на бронированную машину, из которой раздавался приглушённый хриплый мужской голос.

— Что там?! — раздался мужской твердый и властный голос.

— Сейчас узнаю, генерал, — ответил капитан, обращаясь к хриплому голосу. После этого он развернулся к сержанту. — Так что случилось? Она видела немецких солдат?

— Я не знаю, — ответил танкист. — Я не

понимаю по-немецки.

— Хорошо, — высокий капитан присел возле девочки, чтобы быть с ней наравне. — Ну, рассказывай, почему остановила нас? — сказал он на немецком, мягким голосом, каким говорят взрослые с детьми, пытаюсь узнать у них что-то.

— Солдат здесь нет, — ответила девочка, но... — она, засмушалась и робко бросила взгляд в сторону машины, из которой осторожно вылезало грузное тело генерала.

Офицер поднялся, чтобы доложить начальнику. Генерал Джордж Паттон, не спеша подошёл к офицерам. На его лице проскользнула улыбка, когда он увидел среди подчинённых черноглазую девочку, не сводившую любопытных глаз с него.

— Вот, виновница остановки, говорит, что немецкие войска уехали.

Девочка закивала головой, словно поняла речь офицеров.

— Ты говоришь по-английски? — спросил не спеша, с расстановкой слов, Паттон.

— Немного, — робко ответила девочка.

— Как твоя фамилия? — спросил генерал.

— Йонер, — ответила девочка.

— Скажи, а немецкие солдаты давно ушли?

Девочка не поняла вопроса, её глаза выражали непонимание. Но вместо ответа, она указала

куда-то рукой. Генерал посмотрел в указанном направлении. За виноградным полем, укрытая зыбким платьем белого тумана, виднелась, словно призрак, вереница гор.

— Что там? — хриплым голосом спросил генерал Паттон.

— Солдаты, там солдаты... — девочка хотела что-то сказать, но внезапно умолкла, что-то помешало ей.

— Что ж, значит, нам предстоит ещё один бой, — заключил Паттон. — По машинам, — скомандовал он.

Бронированная колонна объехала поля и приблизилась к подножию горного хребта. Дождь лишь слегка моросил, туман, укрывавший горы, поглотил военную колонну. Проехав ещё метров двести, техника остановилась. Солдаты вышли из машин.

— Тихо, — сказал Паттон, прислушиваясь к горам. — Танки оставим здесь.

— Дорога широкая, мы сможем проехать, — сказал танкист.

— Я в этом не сомневаюсь, сержант, но туман... он может играть на руку противнику. В нём легко скрыться и напасть. Если там нас ждут, то бой будет не в нашу пользу. Сперва следует ощупать, проверить, что там нас ожидает. Понимаете?

— Да, генерал, — в глазах танкиста видна была готовность.

— По нашим сведениям немцы ещё вчера покинули свои части. Но девочка говорит, что там что-то есть. — Он обратился к капитану, — возьмите шесть человек и, предельно тихо, ступайте вперёд. Надеюсь, что рык наших танков не был услышан противником. Туман вам поможет подойти незамеченным.

— Вы полагаете, что немцы спрятались в горах? — спросил майор, обращаясь к генералу.

— Вряд ли, они, скорее всего, уже драпанули. Но проверить надо.

Разведчики скрылись в тумане. Солдаты и танки заняли оборону у склона, направив оружие и дула танков в сторону ущелья, вдоль которого тянулась дорога, укутанная туманом.

Спустя час, вернулись разведчики.

— Вам надо это видеть, — доложил капитан.

— Что там, не тяните? — раздражённо, с нетерпением спросил генерал Паттон.

— Дорога эта ведёт в соляную шахту. Видимо, местные мужчины работали в этой шахте.

— До ближайшего города не менее пятидесяти километров, — размышляя, сказал Паттон.

Генерал раскрыл карту.

— Вот, видите, — генерал указал пальцем на

карте. — Это шахта, кайзерова шахта.

— Немецких солдат нет, только строительные и подсобные деревянные постройки, рельсы, несколько десятков вагончиков у входа.

— Люди есть?

— Нет, всё выглядит безлюдно.

— Заброшенная шахта, — сделал вывод Паттон.

— Но, кое-что мы обнаружили.

— Что же? — заинтересованно спросил Паттон, в его глазах заиграл огонек.

— Протекторы шин. У входа мы обнаружили, хорошо отпечатанные следы грузовой машины.

— Выгружали соль, мешки, для этого нужна тяжёлая машина, — предположил майор.

— Всё бы ничего, если бы...

— Что? Не тяните, — раздражённо спросил Паттон.

— Это протекторы от военной грузовой машины. Я это знаю, потому что видел уже такие. И научился отличать следы военных машин. Техника немецких машин хорошая, и оставляет чёткие следы. А ещё, там есть следы сапог, возможно, были солдаты.

— Вы уверены, что были, а не находятся? — спросил майор.

— Снаружи всё кажется тихим, заброшенным, — ответил капитан. Они там были,

самое позднее, вчера. Следы ещё не успело размывать погодой. Свежих следов нет.

— Хорошо, предлагаю наведаться и проверить, — предложил Паттон.

— Если немцы уехали, то, что нам там делать? — спросил майор.

— А мы проверим, что это они там делали, в горах, вдали от городов, — пояснил Паттон.

Танки и люди без труда добрались до заброшенной шахты. Танки поставили поодаль друг от друга. Солдаты заняли оборону, прячась за техникой и деревянными рабочими постройками, брошенными.

Генерал, капитан и двадцать солдат вошли в шахту. Туннель казался безлюдным. По краям, у стен лежали разбросанные доски, разорванные мешки с углём, перевёрнутые на бок пустые тележки. Капитан заглянул в одну из тележек, на борту которой выведен фашистский крест.

— Пустые и чистые.

— Что значит «чистые»? — удивился Паттон.

— Посмотрите сами, абсолютно гладкие, нет ни пылинки.

— Странно.

— Почему? — спросил капитан.

— В них нет соли. Ни одной крупицы.

— Немцы очень педантичны и исполнительны, — ответил капитан. — Соль была в

мешках, хорошо завязана.

— Чёрта с два, капитан, — выругался Паттон. — Хоть крупица, да должна быть, а тут чистота, словно в... — он подыскивал сравнение.

— Словно в банке?

— Да, верно. Что-то здесь не так. Нюхом чувствую подвох.

Они шли в полумраке, освещая путь несколькими фонариками. С того времени, как они вошли в шахту, прошло более часа. Немцев нигде не было. Удивляла извилистость штольни. По подсчётам генерала Паттона, они спустились ниже уровня земли, не меньше трёхсот метров, и прошли более пяти километров. Туннели разветвлялись, сходились, имели углубления, напоминающие подсобные помещения, с гладкими стенами. В одной из таких комнат они обнаружили научную лабораторию, в другой — аккуратно сложенные толстые папки бумаг.

— Это отчёты, бухгалтерия, какие-то цифры, — заметил капитан, пролистывая толстые тетради. — Здесь что-то исследовали.

— Всё это надо опечатать, — сказал генерал Паттон. — может, что-то важное. Ведь не зря немцы так старательно тут трудились.

— Над чем? — спросил капитан, он понял, что генерал о чём-то догадался, глядя на стеллажи с бумагами.

— Вас не удивляет длина этой штольни? — спросил Паттон. — А ведь мы ещё не приблизились к дну.

— Шахта имеет, пять входов — заметил капитан.

— Рыли со всех сторон. Основательно. Немцы не станут так глубоко рыть. Это работа военнопленных, в большом количестве, работы здесь было немерено.

— И куда они делись?

— Их наверняка уже нет в живых. Что-то здесь не так.

В одном из крупных помещений был обнаружен склад, пустой склад. Здесь были в огромном количестве мешки, пустые, разной длины.

Капитан что-то считал. Генерал спросил его, чем он занят.

— Кажется, тринадцать, — ответил капитан. — Вот этот тринадцатый.

— Вагон? — спросил генерал.

Солдаты, с тревогой в глазах и скрытым страхом поглядывали по сторонам, стараясь разглядеть во мраке движущиеся тени. Фонарики освещали их лица, лучи падали в густую темноту туннелей и там терялись в, казавшемся, бездонном мраке — чернее ночи.

Некоторые помещения были закрыты от

любопытных глаз массивными металлическими дверями. Что-то скрывалось за ними? Но почему немцы, почувствовав силу противника, и уступив ему, так легко бросили эти длинные, вырытые на много десятков километров, туннели, заперев на замки помещения?

— Эти заперты, — сказал солдат, потянув дверь на себя.

— Странно это, — заметил генерал. — Если ты знаешь, что нужно отступить, то зачем запираешь? Скорей всего они всё взяли с собой.

— Да, многие помещения открыты: склады, бухгалтерия, лаборатория, — сказал капитан.

— Но эти двери заперты. Почему?

На двери, выше человеческого роста, виднелась цифра восемь.

— Там есть ещё такие же запертые двери! — сказал один из солдат.

— Что-то хранится за ними, — предположил генерал.

— А может, и нет, немцы ведь исполнительны. Если был приказ запереть, то они сделают это, — сказал капитан, — даже если за ними ничего нет.

— Если, капитан, был приказ запереть, значит, в этом была необходимость.

— Но тогда почему же здесь нет охраны? Они что, рассчитывают на толстые двери? Мы можем

взорвать их динамитом, — предложил капитан.

— Хорошая идея, капитан. Несите.

— Вы серьёзно, генерал?

— Вполне. Раз немцы заперли, значит, они хотят, чтобы мы их вскрыли. Положите у дверей динамит. И длинный запал. Кто знает, что еще разрушится, кроме двери. Я не хочу здесь застрять навеки.

Несколько солдат установили шашки динамита, прикрепив их к металлической двери с номером восемь. Все стали на почтительное расстояние, безопасное в случае обвала.

— А обвала не будет? — спросил один из солдат.

— Если и будет, то не здесь, мы на безопасном расстоянии, — ответил капитан.

Фитиль был зажжён, и все залегли в ожидании взрыва. Спустя несколько минут прогремел оглушительный взрыв. Облако пыли неторопливо расходилось. Направленные лучи фонариков судорожно выхватывали тёмное расширяющееся облако. Где-то в глубине чёрного облака пыли, что-то со скрипом треснуло и с грохотом рухнуло. Холодная, леденящая волна прокатилась по спине капитана, словно что-то злое коснулось его. Солдаты испуганно выглядывали из своих укрытий, нацелив в надвигающуюся на них тьму дула своих дрожащих автоматы.

Глава 5. Смертельный след

1975 год, Ленинград.

Он открыл окно. Весенний ветерок приятно прикоснулся к утомлённому лицу. Благоухающий аромат весны в купе с утренней свежестью наполнили грудь майора Сергея Ефремова. От приятного пробуждения он закрыл глаза. За окном доносился отдалённые жужжания автомашин, тихий голос пробуждающегося утреннего города. Прикрыв окно, он полил вазоны, где мирно, не зная суеты и страстей, росли комнатные ухоженные растения. Сделав чашку кофе, он вновь сел за стол, где провёл предутренний час в размышлении над уголовным делом, начатым месяц назад.

Ему было почти тридцать восемь лет. За плечами майора десятки раскрытых убийств и краж. Порой достаточно лишь взглянуть в дело, и он мог выявить след преступника. Чутьё опытного следователя подсказывало ему, что на этот раз он и его отдел встретились с опытным и сильным противником: дерзким, матёрым хищником, готовым на всё, ради наживы. Но и такого можно было без труда выловить. Однако в этом деле было не всё так просто. Какое-то шестое чувство

подсказывало Ефремову, что везение преступника не случайно. Даже если работала бы целая банда сообща, у них не получалось бы так ловко уходить от работников уголовного розыска. Он открыл папку с уголовным делом, и ещё раз, просматривая отчёты сотрудников и заявления потерпевших, углубился в это странное и запутанное дело.

Первым заявлением о хищении ценностей поступило от гражданки К. Вдова известного на весь Союз писателя находилась на светском балу, в то время как её квартиру обокрали. Преступники торопились, об этом говорит характер их действий в квартире потерпевшей. Их было несколько. Они унесли пару полотен известных художников, несколько меховых шуб, золотые украшения и деньги. В каком месте находились ценные вещи, они знали заранее. Однако удивительным образом преступники проглядели, висящие на видном месте, более дорогие картины. Что это? Простое незнание, не профессионализм или...

Ефремов задумался. Работали быстро, словно профессионалы, но были слепы, будто мальчишки. А что, если преступников навели, и даже указали им — что и где брать? В спешке, они не думали и брали только то, что им указали. Но это была далеко не единственная загадка в этом деле. По словам вдовы: у неё пропала шкатулка с драгоценностями, которые достались ей от

покойного мужа. Она очень гордилась и ценила их, может, даже больше своей жизни. Писатель был известен на всю страну, был любимчиком партийной элиты. Много работал, путешествовал за границей. Именно за рубежом он покупал не малой цены драгоценные изделия, инкрустированные рубинами, изумрудами и алмазами. Все их он дарил любимой жене по возвращении из-за границы или во время путешествия. Вдова ни в чём себе не отказывала, муж хорошо её обеспечил.

Исчезновение шкатулки с драгоценностями у вдовы известного писателя тут же облетела высшие круги общества. Одна лишь брошь, содержащая несколько десятков изумрудов и большой рубин в центре, стояла по оценкам специалистов, не менее полумиллионов долларов.

Такой странный выбор преступников сразу же заинтересовал майора Ефремова и его помощников: капитана Полякова и лейтенанта Осипова. Они втроём, размышляя над характером кражи, пришли к заключению, что один из преступников, скорее всего наводчик и организатор, знал о квартире вдовы намного больше, чем его подельники. Об этом говорил тот факт, что шкатулка с драгоценностями была спрятана в секретном месте. Его показала сыщикам вдова. Тайник был в тайном отделении секретера, за которым работал писатель. Немногие знали об этом месте. Почему

преступники взяли далеко не ценные вещи (на стене остались куда более дорогие картины), а довольствовались лишь красивыми полотнами, но не имеющие большой цены? Откуда они узнали о тайнике, где хранилась шкатулка?

Было решено опросить тех, кто знал о тайнике. Вдова дала короткий список имён и фамилий. Все оказались столь влиятельными и богатыми особами, что Ефремов и его люди оказались в затруднительном положении. Подозревать в простой краже таких людей было немыслимо. И, тем ни менее, сыщики провели осторожное расследование, ничего не обнаружив. Все подозреваемые вели обычную жизнь светского общества, — встречаясь на различных вечеринках, презентациях, балах, выставках. Мужчины управляли страной, а их жёны купались в роскоши, сверкая драгоценностями. Последнее и навело Ефремова на мысль, что наводчик мог быть кто-то из окружения. Несколько недель назад до кражи вдова была на светском балу, где блистала в неотразимом свете переливающихся изумрудах и рубинов, взятых ею из шкатулки.

Сыщики составили список всех, кто присутствовал на балу, и начали проверять каждого, осторожно, больше наблюдая и спрашивая прислугу, чем ведя допросы. Неожиданно всплыла одна фамилия. Это был молодой красивый юноша,

цыган, любимец дам. Звали его Гожа Романо. Его вызвали в уголовный розыск на допрос. На первый взгляд молодой человек, напоминавший плейбоя, вёл себя совершенно спокойно, его удивляло и даже обижало, что именно его вызвали в уголовный розыск, подозревая в краже. Ефремов успокоил молодого человека, сказав ему, что он может помочь следствию. Но расспросы, которые молодому человеку явно не понравились, вывели его из себя. Вскоре начальник уголовного розыска позвонил Ефремову и строго велел больше не трогать молодого человека. Видимо, кто-то из высших кругов сделал звонок генералу и тот велел отпустить подозреваемого и более не трогать его. У плейбоя было алиби, и Ефремов не возражал. Он лишь выяснил, и то с трудом, что за плейбоя заступилась одна дама, имеющая столь влиятельных покровителей, что даже генерал и начальник уголовного розыска отступил, веля своим сотрудникам не вызывать более данного свидетеля. Казалось, что дело остановлено, слежка за цыганом прекратилась.

Ефремов продолжал общение с вдовой, расспрашивая её о том, что она делала в последнее время, чем занималась. Неожиданно выяснилось, что совсем недавно её посетил работник художественного музея, где вдова бывала несколько раз в последнее время. Дело в том, что К.

хотела оставить музею часть коллекции мужа. Это были полотна знаменитых художников, как раз именно тех картин, которые не были украдены. Ефремов сразу же ухватился за эту ниточку в расследовании, подобно утопающему, хватающемуся за любой плавающий предмет, не зная, поможет он ему или нет. Выяснилось, что работник музея был не один в доме у гражданки К. Вместе с ним квартиру вдовы посетила молодая женщина, красивая блондинка, француженка, звали её Натали Шатильон. Иностранка училась в МГУ, была студенткой заочного отделения третьего курса. Она изучала живопись, рисовала. В прошлом, она жила в Союзе, в Москве, она познакомилась с богатым французом и вышла за него замуж. Француз очень любил молодую жену, одаривал её подарками и ни в чём ей не отказывал. В квартире вдовы француженка сказала хозяйке, что изучает биографию её покойного мужа, интересуется работами знаменитого писателя. И, узнав, от своего знакомого из художественного музея, о знаменитом писателе, мечтает встретиться с вдовой и побывать в доме, где работал русский писатель.

Ефремов велел установить слежку за француженкой. Он решил больше ошибок не совершать, а действовать наверняка. После скандала с цыганом, второй подобный прокол мог

привести к отстранению всей следственной группы от дела. Впервые за всю карьеру следователя, он почувствовал тяжесть и опасность дела. Скандал с посольством ему был ни к чему. Генерал не прощал ошибок. Не прошло и двух дней наружной слежки, как Ефремову доложили, что объект начал нервничать. Блондинка заказала два авиабилета и рано утром выехала из снимаемой квартиры в аэропорт. Вся группа сыщиков была поднята по команде Ефремова.

В аэропорту француженку ожидал мужчина, красивой наружности, высокий брюнет. Пара совершенно спокойно направилась из зала ожидания к выходу на лётное поле, но неожиданно пара развернулась, и быстрым шагом направилась из аэродрома. Ефремов дал команду взять обоих. Женщина не оказала никакого сопротивления, тогда как её спутник изрядно побегал и помотал группу захвата. Он оказался весьма проворным и сильным. Но, увы, сыщикам радоваться не пришлось. Драгоценностей, похищенных у вдовы писателя, не оказалось, ни в багажных сумках, ни в квартирах, где подозреваемые проживали. На допросах женщина весьма была удивлена, что её подозревают в краже, и требовательным и оскорблённым голосом заявила, что она гражданка Франции. На этот раз Ефремову пришлось отступить. Чтобы не было скандала с посольством,

сыщики отпустили блондинку, и та спокойно улетела в Париж.

Мужчина, — подозреваемый в краже, уверял, что бежал от сотрудников уголовного розыска, потому что посчитал их нанятыми мужем блондинки боевиками. Однако в процессе следствия выяснилось, что француженка была далеко не эталоном верной жены. Её знали многие в светском обществе, где она охмуряла и заманивала богатых управленцев. Подозреваемого взяли под стражу. Вскоре выяснилось, что он был наводчиком. На него работала француженка, с которой он познакомился, на одном из курортов, лет пять назад. Блондинка, так искушавшая мужчин и соблаздившего французского миллионера, сама попала на крючок, — она влюбилась. Красивый и высокий брюнет с синими глазами, широким лбом и красивым подбородком, окутал блондинку лаской и заботой. Она растаяла, как все влюблённые. Постепенно он смог привлечь любовницу к своим аферам. Блондинка встречалась с богатыми людьми, которых ей советовал любовник, выясняла всё о его тайнах, бывала в шикарных квартирах.

Преступная связь была доказана, пару неоднократно видели жильцы квартиры, где они проживали. Обнаружили вторую квартиру любовника, на которой и отыскивали украденные парой золото и драгоценные изделия. Однако среди

найденных предметов не оказалось тех драгоценностей, которые были похищены у вдовы К. Неужели Ефремов ошибся и взял ложный след?

За многочисленные кражи в особо крупных размерах, высокому брюнету грозила высшая мера. Уголовный кодекс в части третьей, статьи 89–93, сказанные Ефремовым преступнику, произвели на последнего решающее действие, и он признался, желая заменить наказание крупным сроком. Дело было серьёзным — кража бриллиантовых изделий, рубиновых и изумрудных украшений вдовы писателя, и генерал уголовного розыска дал согласие, что к преступнику применят другие статьи, если он признается. На допросе Ефремов был свидетелем того, как бледный, почти мертвецкий цвет лица высокого брюнета, любовника француженки, приобрёл жизненный розовый оттенок. И, хотя его лицо не выявляло радости или призрачной улыбки, он всё же был в добром состоянии духа, словно он только что родился или получил вторую жизнь.

Высокий брюнет признался Ефремову, как на исповеди, что невиновен в краже вдовы писателя. Он действительно, намеревался её обокрасть. И для этого договорился с одним вором из Одессы, что тот провернёт это дело. Но, увы, когда высокий брюнет пришёл к нему на квартиру, где должен был состояться делёж, то этого вора, по имени Т., там не

оказалось. Т. давно уже съехал с квартиры, в неизвестном направлении.

Казалось, что Ефремов и здесь дал промашку. Похищенные из шкатулки драгоценности превращались не более чем в зыбкий туман. Т. казался призраком. Он мог уже давно продать или вывести из страны украденные ценности.

Т. был не крупным или известным вором в преступных кругах. Ефремов и его подчинённые без труда выяснили всё о разыскиваемом. Но, ни у себя дома, в Одессе, где его ждала молодая жена и маленький сын, ни у матери в деревне, его не оказалось. Ефремов дал данные о Т. во всесоюзный розыск. Но и это не помогло, Т. словно исчез с лица земли. Шло время, и, казалось, что это дело так и останется не раскрытым, если бы не случай.

В Москве, при странных обстоятельствах умер один старый подпольный предприниматель, скупщик драгоценностей. Пожилого мужчину, лет шестидесяти, нашли мёртвым в своей постели. В его руке был зажат пистолет.

На первый взгляд всё выглядело, как самоубийство, если бы не две дырки, обнаруженные в его теле, в области груди. Неужели скупщик краденного сам застрелился, да ещё и дважды выстрелив себе в грудь? Это было явное убийство. Эти строки из дела, написанные младшим лейтенантом московского следственного отдела,

весьма заинтересовали Ефремова. В деле были приложены интересные наблюдения за домом убитого. После опроса жильцов дома, где был убит скупщик, выяснилось, что вечером накануне убийства, к скупщику приходила дама. Утром тело подпольного воротилы было найдено в постели. Ночью играла музыка из его квартиры. Жильцы вызвали милицию, которая и обнаружила тело. Казалось, что последний, кто видел покойного, была эта неизвестная дама.

Глава 6. Неожиданный поворот в деле

В преступных кругах разыскиваемый вор имел кличку Бес. И действительно, как бы ни старались поймать преступника сыщики, ему удавалось уйти, словно его охраняло везение или тёмные магические силы. Но на этот раз удача улыбнулась сыщикам. Спустя три дня, после убийства скупщика, младший лейтенант пришёл в дом, где недавно было совершено преступление. У московских сыщиков не было сомнений в том, что произошло убийство, а не самоубийство. Поэтому младший лейтенант решил дополнительно расспросить жильцов дома — соседей убитого. После опроса, он уже не сомневался в том, что было совершено хладнокровное убийство.

Вероятнее всего, что со скупщиком кто-то не смог поделить украденные вещи. В том, что преступник был профессионалом говорит тот факт, что он не оставил в доме убитого ни единого следа. Но удача порой капризна, не всегда движется по течению.

Младший лейтенант после опроса соседей выходил из дома, и вдруг ему навстречу идёт дама — высокая, в шляпе, завёрнутая в пышное платье. Сыщику показалось, что женщина узнала его. Что-то странное он почувствовал в её взгляде. Он остановился, глядя ей вслед. Дама, в туфлях на каблуках, прошла мимо парадной, откуда сыщик толь что вышел. В её неумелой походке было заметно, что женщина не привыкла ходить на каблуках. По необъяснимой причине или невероятному чутью сыщика, он повернул и пошёл за дамой. Она заметно ускорила шаг, хотя ей было трудно ходить на каблуках. Сыщик сократил расстояние и решил окликнуть женщину, разыграв влюблённого, желающего познакомиться. К его удивлению, дама не остановилась и не оглянулась, а, сбросив с себя неудобную обувь, пустилась бежать. Сыщик сразу почувствовал во всей маскировке дамы подвох, и пустился в погоню. У беглянки оказались довольно крепкие и быстрые ноги, хотя красивыми их было назвать нельзя. Она свернула в проходной подъезд, затем сиганула через забор. Только здесь сыщик увидел, что дама

эта вовсе не дама, а переодетый мужчина. На заборе повис женский парик и шляпа. Преступник выбежал из подъезда, он стремился добраться до людного места и слиться с толпой. Он бежал, довольно быстро, в сторону метро, младший лейтенант начал отставать, он не был готов к таким виражам и способностям преступника. Однако везение преступника подвело. За поворотом дома, на коротком переулке, куда он завернул, прогуливалась пожилая женщина с собакой — немецкой овчаркой, которую не раз хозяйка одалживала милиции для сыскной службы. Почувяв неладное, собака узрела в бегущем по переулку странном мужчине, в женском платье, преступника, и рванулась за ним. Старушка не удержала поводок. Преступнику повезло, что собака, не раз преследовавшая беглецов, находилась, как и положено, в наморднике. Она быстро нагнала его, сшибла с ног и угрожающе приблизила морду к горлу. Преступник не оробел, он стал бороться с собакой, видя, что та в наморднике, стараясь не задеть намордник, хотя собака изо всех сил стремилась снять его. Пока велась борьба, в основном на земле, подоспел запыхавшийся младший лейтенант. Так был пойман Бес.

На следственном эксперименте его опознали соседи. Бес вёл себя странно, казалось, что его не заботил тот факт, что его узнали. Он утверждал,

что, надев женское платье на любого мужчину, можно признать в нём преступника, приходившего в квартиру убитого. А сам он прогуливался по улице, готовился поступать в театральное училище. «Да, — подумал Ефремов, — театрального таланта Бесу не занимать». Когда Беса передали в Ленинград, где он попал к Ефремову, где в доказательной форме, привели обвинение в краже шкатулки с драгоценностями вдовы писателя, он как-то сник, перестал общаться. Ефремову тогда показалось, что Бес чего-то жутко боится. Не того, что на нём висит убийство и кража, не то, что ему грозит смертная казнь, а то, что он находится за решёткой. Бес кричал в камере по ночам, словно у него дико болит голова. Ефремову он сообщил, что страдает клаустрофобией и не может находиться в камере. Тогда капитан Поляков предложил Беса перевезти в большую камеру, где сидели другие заключённые. Бес испугался и тут же, совершенно спокойно согласился на свою одиночную малую камеру. Неожиданно возникшая болезнь прошла, не успев разгореться. «И всё-таки, чего-то он боялся, — сказал тогда Ефремов, размышляя над его странным поведением». В обвинении он признался. Но куда дел бриллианты и украшения не сказал. Тогда Поляков вновь предложил Ефремову перевезти Беса в другую камеру, где находились преступники. Сыщики попробовали ещё раз

поиграть на нервах и странном поведении Беса. Неожиданно он согласился. Бес признался, что драгоценности он продал одному подпольному дельцу, проживающему в Тбилиси.

В квартире вдовы, куда Беса доставили для следственного эксперимента, он продемонстрировал, как проходила кража. Все в подробностях, словно был там на днях. Перед вдовой он пал на колени и слёзно умолял его простить, утверждая, что не знал, кому принадлежали драгоценности. «Великий артист, — сказал тогда Ефремов, зная артистические способности Беса».

В Тбилиси, куда поехали капитан Поляков и лейтенант Осипов для сопровождения Беса, они попали в роскошную двухэтажную виллу, в которой жил подпольный миллионер. Хозяин дома, окружённый телохранителями, под давлением сыщиков, вынужден был признаться в сделке с Бесом. Он предлагал выкуп за драгоценности. Говорил, что эти драгоценности уже проданы влиятельным людям, которые легко могут стереть с лица земли, даже работников КГБ. Но Поляков и Осипов не дрогнули и настойчиво потребовали на возвращении ценностей. В конце концов, миллионер сдался и вернул украденные драгоценности. Однако среди них не оказалось дорогостоящей броши — главной ценности вдовы

писателя. Задание было выполнено частично.

Размышления майора Ефремова были прерваны звуком открывшейся двери. В кабинет вошли Поляков и Осипов, вернувшиеся из командировки.

— Как долетели? — спросил Ефремов.

— Тихо, спокойно, — ответил Осипов.

— Молчит, — добавил Поляков. — Куда дел брошь не говорит. Но он знает, носом чувствую, знает.

— Видать для себя припрятал, — сказал Осипов, усаживаясь за свой стол.

Поляков вынул из дипломата несколько листов и положил их на стол Ефремова.

— Это наши отчёты, — сказал он. — Драгоценности сданы, список перед тобой. Не хватает лишь одной броши.

— На сумму полмиллиона, — добавил Осипов. — Ох, мы и намучились с этим Бесом.

— Знаю, Поляков докладывал по телефону, — сказал Ефремов, он всё ещё был напряжён размышлениями, ведь дело не завершено. — А как ты думаешь, — спросил он Полякова. — Кто из них врёт?

— Миллионеру это невыгодно, это его бизнес. Если окажется, что брошь продал он, то ему не позавидуешь. Наши коллеги из Тбилиси обещали ему весёлую жизнь, если он обманет.

— А ты, что скажешь? — спросил Ефремов лейтенанта.

— Бесова эта работа. Решил поработать на себя. Ему что? Украл, продал скупщику и сел на дно или выехал с миллионом за рубеж.

— Но московского скупщика он убил, — сказал Ефремов.

— Возможно, — сказал Осипов.

— Думаете, что Бес ему продал брошь? — спросил Поляков.

— А кому же ещё? — удивился Осипов. — Поэтому и убил его.

— А может быть, у них разногласие произошло. Не поделили, — предположил Поляков. — Скупщик нашёл клиента на брошь. Она ведь цены немалой, не так просто найти богатых людей.

— Богатых-то, как раз можно найти, — возразил Осипов.

— Согласен, — добавил Ефремов.

— Ну, хорошо, — согласился Осипов. — Пусть будет по-вашему. Итак, Бес отдал скупщику брошь в надежде, что тот её предложит кому-то. Если Бес ему отдал, значит, он доверяет ему. Видать не раз проворачивал такие дела. Скупщик находит клиента, предлагает ему дорогостоящую вещь, тот соглашается её купить, платит наличными. Возвращается Бес...

— Переодетый в женское платье, — добавил Поляков.

— Ну да, в женском платье, — продолжил размышление Осипов. — Они не договариваются о цене или цена была скупщиком занижена, чтобы самому урвать побольше с этой сделки, ведь покупатель его, да и деньги, вырученные за товар, могли быть у него. Происходит конфликт, и Бес убивает скупщика, деньги забирает.

— Тогда он сильно рисковал, — сказал Ефремов, — когда вернулся в квартиру. Он ведь туда шёл, когда его младший лейтенант задержал. Зачем он вернулся? Ведь что-то ему надо было там. Что-то он забыл.

— Думаешь, что в квартире находится брошь? — предположил Осипов.

Поляков стоял у окна и вдыхал утренний воздух, его глаза казались задумчивыми. Неожиданно он обернулся и сказал:

— Но ведь мы обыскали всю квартиру и не нашли пропавшей броши.

— Так. И что предполагаешь? — спросил Ефремов, видя в глазах товарища огонёк догадки.

— Вы не обратили внимания на то, что Бес был переодет, и... — он продолжал размышлять, — и на музыку. В тот вечер в квартире звучала музыка. Кто её включил?

— Ты полагаешь, что это сделал

преступник? — спросил Осипов.

— А кто же ещё, — ответил Поляков. — Конечно же, преступник. Он и переделался для того, что бы его никто ни узнал. Что бы соседи подумали, что к старику приходила женщина.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Ефремов.

— Бес заранее знал, чем кончится его встреча, — ответил Поляков. — Он пришёл для убийства.

— Допустим, — сказал Ефремов. — Но это нам, ни о чём не говорит. Мы по-прежнему не знаем, где брошь.

— Я предполагаю, что никакого конфликта в квартире не было, — сказал Поляков.

Осипов и Ефремов посмотрели на Полякова.

— Убийство ради чего? — спросил Осипов. — Если у них не было разногласий...

— Не спеши с выводами, — остановил его Поляков.

— Я, кажется, понял, что ты хочешь сказать, — ответил Ефремов.

Поляков и Ефремов обменялись взглядами, и капитан продолжил свои предположения:

— Они ведь давно работали вместе, именно к таким выводам мы пришли. Но на этот раз, что-то изменилось в их отношениях, точнее — изменились взгляды Беса. Скорей всего, скупщик подготовил

средства или договорился о продаже, но Бес что-то заподозрил...

— Что? — с нетерпением спросил Осипов.

— Он чего-то боялся, нервничал. Помните, как он вёл себя в одиночной камере? Как разыгрывал из себя больного, боялся замкнутого пространства. А на деле водил нас за нос. Он трусил. Что-то ему угрожало.

— Или кто-то, — добавил Ефремов.

— Именно, — согласился Поляков. — Вероятнее всего, он, когда крал шкатулку у вдовы, выполнял чей-то приказ. Да, да не сговор с искателем приключений, а договор с очень влиятельным человеком, перед которым он трепетал.

— Ну, допустим, — согласился Осипов. — То есть ты предполагаешь, что Бес выполнял задание, работая сразу на двоих заказчиков?

— Совершенно верно, — сказал Поляков. — Вспомни его воровское направление, профиль краж.

— Драгоценности, — ответил Осипов. — Беса и раньше они притягивали.

— Вот, вот, — сказал Поляков. — Он и раньше охотился за ними. Просто, когда известный в воровских кругах, столичный вор обратился к нему за просьбой поработать в Ленинграде, заработать лёгкие деньги, ведь вдовы не было дома,

а где находились драгоценности, преступники знали от француженки, Бес, к тому времени уже искал что-то похожее на похищенную брошь.

— Но тогда у него должен был быть свой клиент, — сказал Ефремов.

— Именно, — согласился Поляков. — Это был клиент убитого скупщика.

— И это послужило причиной его убийства, — предположил Ефремов.

— Да, вероятно, заказчик и впрямь является для обоих большим человеком. Бес был вынужден убить скупщика.

— Но тогда охоту на него начнёт влиятельная особа, и ему не поздоровиться, — добавил Осипов.

— Да, начнёт, — согласился Поляков. — Но этот клиент скупщика, а не Беса, и вероятнее всего, что Бес этому влиятельному клиенту не знаком.

— Но ведь он может это выяснить, — сказал Осипов, — мы ведь знаем об этом. Знают и московские следователи, поймавшие Беса и передавшие его нам.

— Верно, поэтому Бес и так тревожно ведёт себя, — сказал Поляков. — Он знает, что попал в смертельное поле зрения этого влиятельного заказчика. Которому всего лишь нужно дать приказ на устранение.

— И всё-таки, зачем же Бес убил скупщика? — спросил Ефремов, он посмотрел на

Полякова, в котором он искал догадку.

— Есть у меня одно предположение, — ответил капитан. — Бес выполнял заказ ещё и подпольного миллионера из Тбилиси и продал ему часть драгоценностей, чтобы лично обогатиться. Когда человек много времени проводит или часто держит в руках драгоценности немалой цены, то эти предметы искусства, сделанные великими мастерами, в свою очередь воздействуют на сознание человека, владеющего или держащего их в руках. Они меняют его, делают его зависимым, превращают его в чудовище, в котором просыпается тщеславие, гордыня и холодный цинизм. Такой человек ставит себя выше остальных людей, над миром, может даже богом, всемогущим. По-видимому, в Бесе, держащим в руках такие ценности искусства итальянских или французских мастеров, что-то изменилось, и он решил покончить со своим воровским прошлым, решил стать влиятельным и богатым. Он передумал продавать брошь за малую цену. Скорей всего, он решил, имея средства от продажи части драгоценных изделий вдовы, бежать за рубеж вместе с брошью, и там продать её подороже. Если он остался бы здесь, то его бы разыскали и убили. Поэтому, чтобы запутать следы, он убивает скупщика, и таким образом имеет время для бегства из страны.

— В Одессе у него есть семья, — сказал

Ефремов. — Думаешь, что он убежит, оставив их здесь?

— Он романтик, искатель приключений, — ответил Поляков, — такому не нужна семья. А брошь всё ещё у него. Я в этом уверен.

На допросе Бес вёл себя спокойно, несмотря на выдвинутые против него обвинения. Ефремов был удивлён его сдержанностью и спокойствием. Он знал об актёрских талантах Беса, и, тем не менее, был поражён его поведением, ведь ему грозила высшая мера.

— У вас есть семья? — неожиданно спросил Ефремов.

Бес был коротко пострижен, рыжим, худощавым, но крепким, небольшого роста, и с непримечательным лицом. Он смотрел на майора, словно искал в нём защиту или надежду.

— Да, вы, наверное, знаете, — робко ответил Бес. — Они живут в Одессе, на Торговой, дом...

— Да, я знаю, — ответил Ефремов, он решил не играть с преступником. Ему казалось, что тот знал всё наперёд, мог просчитать несколько ходов, мог предвидеть. Перед таким сложно было что-то скрывать.

— Вы ведь не случайно спросили меня о моей семье? — Бес смотрел на Ефремова большими круглыми чёрными глазами, просящими о помощи.

— Неужели вы хотите уйти из жизни, так и не

повидав их? — неожиданно спросил майор.

— Их не допустят ко мне?

— Возможно. Моё начальство хочет решить ваше дело, договорившись.

— Каким образом?

— Вы даёте брошь или говорите у кого она, а мы заменяем высшую меру на срок, — Ефремов прищурил взгляд, и испытывающе поглядел на Беса. Он знал, что генерал не давал такого распоряжения и вряд ли пойдёт на сделку с преступником, тем более, что теперь на нем висело и убийство.

Над генералом нависла угроза, ему уже неоднократно сообщали, что дело об украденных ценностях вдовы писателя нужно решить как можно быстрее. Угрожали даже снять его с должности, а всю следственную группу понизить в звании. Такая перспектива Ефремова и всех людей из его отдела не устраивала. Поэтому он готов был пойти на сделку с преступником, лишь бы вернуть эту чёртову брошь.

— Я... я согласен, — ответил Бес, размышляя. Казалось, что он не был уверен в своих словах. Видимо, они ему давались с трудом. — Если...

— Какое ваше условие?

— Я хочу увидеть свою семью.

Ефремова это устраивало. Он сделал запрос в Одессу, чтобы привести жену Беса в Ленинград. Но

неожиданно Ефремов натолкнулся на непреодолимое препятствие. Дело в том, что жена вора не могла приехать в Ленинград. Она лежала в роддоме и ждала появления ребёнка. Ефремова мучил вопрос: «Не является ли это очередной уловкой преступника?» Он посоветовался с Поляковым и Осиповым. Что делать? Начальство, зная о поимки Беса, настаивало на быстром завершении дела. «Преступник в твоих руках, что тебе ещё надо, — раздражённо говорил генерал. — Или ты не способен справиться с ним?» Ефремов был в затруднительном положении. С одной стороны — начальство подгоняло его, с другой — он догадывался о хитрости арестованного. Было решено пойти на риск — отправить преступника в сопровождении Полякова и Осипова в Одессу, к его беременной жене. Сотрудники уже возили Беса в другой город, вёл он себя смирно, бежать не пытался. Ефремов решил пойти на риск. Ведь на этот раз преступник едет на встречу не к подпольному миллионеру — чужому для него человеку, а к своей семье, где его ждала жена и сын. Двое сыщиков, товарищей Ефремова, вместе с Бесом, на которого были надеты наручники, отправились в южный город — Одессу.

Глава 7. Завещание

В этом деле было что-то странное, неуловимое. Майора Ефремова ни днём, ни ночью не покидала мысль, что это расследование не такое простое, как казалось на первый взгляд. Волнение и излишняя раздражительность генерала, недосказанность в деле и странная боязнь преступника чего-то, сбивали рассуждения Ефремова, говорили ему, что между всем этим что-то скрывается. В тех случаях, когда ему было тяжело или возникала какая-то неясность, скользкость в деле, он почти всегда брал совет у своего прославленного деда.

Прославленный дед майора Сергея Ефремова имел множество наград, прошёл Великую Отечественную войну в чине подполковника, после войны, управлял одним из отделов КГБ, отвечающих за охрану членов правительства. Василий Семёнович, отработавший в органах безопасности свыше сорока лет, владел ценной информацией, он знал, как устроено управление в партийном аппарате, кто чем дышит, имел многочисленные связи в верхах. Он мог посоветовать внуку, помочь ему в затруднительном положении, однако действующей силы нынче он не имел, потому что более десяти лет, как находился в отставке, на пенсии.

— Да, ну и попал же ты, — старческим, хрипловатым, но всё ещё уверенным, командным

голосом сказал полковник в отставке Василий Семёнович Ефремов. — Я слышал об этом ограблении вдовы. В правительстве знают об этом...

— Как слухи о краже вдовы дошли до членов правительства? — удивился Сергей Ефремов.

— А ты как думал? — поучительным голосом родителя, взявшегося воспитывать внука, сказал дед. — Не забывай, что этот писатель с мировым именем, когда-то был любимчиком у генерального секретаря партии. А эта должность в нашей стране, как ты знаешь, наивысшая. Тебе повезло, что писателя нет в живых, обокрали вдову, а то бы не сносить вам всем, вместе с твоим босом — генералом, своих голов.

— Даже так? — удивился Сергей Ефремов.

— А как же ты думал? Только так. Высшие чины в нашем правительстве обожают творческих людей. Это наше отечественное светское общество. Они живут не как мы с тобой или сотни миллионов граждан. В их руках деньги и власть, знакомства с влиятельными людьми мира. Эта сила, способная воплотить их любой каприз, даже самый мелкий, ничтожный. Кто-то в правительстве пожелал, что бы дело как можно быстрее уладилось.

— Значит, ты всё об этом знал?

— Я даже подумывал изготовить похожую пропавшую брошь и вернуть её вдове, но боюсь,

что она узнает подмену, ведь это подарок её покойного мужа. Она любила его, эта брошь напоминает ей о некогда ушедших ласках и заботе. Она выдаст вас, а потом вас сотрут в порошок. Да и дорогое это дело — брошь подделывать.

— Да уж, хорошенькое задание у меня, — вздохнул внук. — Что делать посоветуешь? Я ведь отправил этого Беса со своими людьми в Одессу. Там он должен увидеться со своей беременной женой. Такого было его условие, чтобы рассказать о броши.

— Это ты напрасно сделал, — раздумывая, сказал Василий Семёнович. — Вероятнее всего, что твои сыщики приедут без него.

— Думаешь, что он сбежит?

— Грохнут его там, вот и всё, — прикрикнул дед.

— Грохнут, — задумчиво повторил майор. — Ты полагаешь, что...

— Ты не один знаешь, что Бес отправился в Одессу. Больше я тебе ничего не могу сказать.

— Но кто? Почему? — спросил майор, он опустил голову и казался побеждённым.

— Я почти уверен, — спокойно сказал дед, — что его в этой поездке его уберут, как ненужного свидетеля. А вот тогда обвинят во всём тебя. Дело закроют в виду отсутствия главного подозреваемого.

— Что же ты предлагаешь?

— Отказаться от дела.

— Но разве это...

— Да, возможно. Они не станут возражать.

— Кто они?

— Не важно. Я это устрою. Не волнуйся, я возьму это на себя, — сказал дед. — Пока ещё не поздно.

— Как это просто, — задумавшись над чем-то сказал внук.

— В противном случае, они уберут Беса, им это ничего не будет стоить. Он уже не жилец.

Сергей Ефремов вдруг вспомнил странное поведение Беса, его нерешительность и какое-то странное подавленное состояние. Очевидно, он о чём-то таком догадывался.

— Затем, всё равно снимут тебя с этого дела. Но, как не справившегося с возложенной на тебя обязанностью. Понизят в звании всех, а, может, и в должности.

— Но, что я скажу ребятам? Что мы отказываемся от этого дела, потому что слишком слабы? Не способны...

— Ну и пусть, — почти настаивающим, приказным голосом, к которому он привык за долгие годы службы начальником, сказал Василий Семёнович.

Сергей Ефремов посмотрел деду в глаза. Он

пытался увидеть в его лице, в лице, когда-то смелого и отважного героя, хоть толику правдивости и необходимости поступить таким трусливым образом.

— Я... я не могу, — тихо, но уверенно ответил майор Ефремов.

— Ты весь в отца. Он никогда не сгибался. Прямой, правдивый, вспыльчивый, как и я, — ответил Василий Семёнович.

Сергей Ефремов почувствовал, что дед знает намного больше, чем кажется на первый взгляд, но по какой-то причине не спешит поделиться. «Возможно, — подумал Ефремов, — правда, куда опаснее, чем молчание».

Сестра Сергея Ефремова была на три года старше его. Она проживала в центре Ленинграда, в отцовской квартире, доставшейся ей по наследству. И хотя ей было чуть более сорока лет, выглядела она на тридцать. Эти мягкие, казавшиеся, молодыми и свежими пышные русые волосы, сплетённые в длинную косу, оставались всё ещё не тронутые временем. Её кожа на лице чуть изменилось, добавив несколько морщин, которые она удивительно скрывала тенями. В уголках её больших, синих глаз, эти морщинки казались незаметными. Она была всё ещё свежа и желанна. Лишь два синих озера, два чудесных добрых глаза выдавали её, слегка потускнев, наложив тень

некогда тяжёлых и суровых лет, казавшихся вечностью. Во всём остальном: в её подвижном уме, мягком и добродушном характере, для Ефремова она осталась прежним юным созданием, отзывчивым и надёжным другом.

На лестничной площадке он встретил её мужа и десятилетнюю дочь. Держась за руку папы, девочка с легкостью перепрыгивала через ступеньки. Увидев Ефремова, они остановились. На лице девочки играло счастье.

— А кто это так беззаботно прыгает? — улыбаясь, спросил Ефремов, обняв племянницу.

— Привет, Серёжа, — сказал Михаил, отец девочки.

— Привет, привет, — ответил Ефремов.

— А мы идём в цирк, — радостно сказала девочка. — Пойдём с нами.

Ефремов улыбнулся.

— Вот, взяли три билета, — сказал Михаил. — А Марина не может пойти, позвонили с Союзмультфильма. — Придётся вдвоём.

— Идём с нами, дядя Серёжа, — настаивал детский голос.

— Серёжа не может, — ответил Михаил, он обратился к Ефремову, — она ждёт тебя.

Он присел на корточки, чтобы быть вровень с девочкой.

— Я обещаю тебе, что в следующий раз я

возьму тебя в цирк.

— Следующего раза не будет, — ответила девочка. — Цирк уедет, и львы тоже.

— Тогда мы пойдём в зоопарк.

— Не обманываешь? — испытывающе спросила девочка, заглянув в глаза Ефремова.

Разве мог он обмануть эти два доверчивых детских глаза, изучающих его.

— Обещаю.

Дверь была не заперта. Он вошёл. В коридоре появилась Марина, на ней было весеннее платье и кофточка.

— Хорошо что ты застал меня, — она подошла к брату и поцеловала его в щеку.

— Опасная привычка держать двери открытыми, — заметил Ефремов.

— Я увидела тебя в окне. Мои пошли в цирк.

— Да, я знаю, мы встретились на ступеньках.

— Она хотела, чтобы ты пошёл с ней...

— Я обещал ей пойти в зоопарк.

— И ты пойдёшь? — она посмотрела на него испытывающе.

— Раз обещал, то...

— В прошлый раз она ждала, что ты с ней в кино пойдёшь, но ты уехал, — с укором сказала Марина.

— Работа. Меня вызвали к начальству. Но я исправлюсь, — по мальчишески ответил он.

Они вошли в просторную комнату. Солнечные лучи наполняли её светом. Ефремов вспомнил детство, когда он проводил в этой комнате много времени, играя с сестрой. Всё здесь напоминало, казавшееся, канувшее в бездну, далёкое время, утраченное безвозвратно.

— Михаил сказал, что ты нужна на работе.

— Да, позвонили полчаса назад. Необходимо несколько эпизодов переснять. Нам скоро сдавать ленту, а мультфильм ещё не готов. Говорят, что собираются начать съёмки над серией мультфильмов. Работы будет много.

На стенах, куда падали солнечные лучи, висели старые и новые фотографии семьи, рисунки из мультфильмов, сделанные рукой Марины.

— У художников-мультипликаторов всегда есть работа, — сказал он.

— Это верно, ведь дети ждут продолжений, ждут новых персонажей.

Она посмотрела на время.

— О боже, я опаздываю. Всё, убегаю. Ты потом захлопни дверь.

Она выскочила в коридор.

— Хорошо.

— Они сказали, что принесут его в первой половине дня, — сказала она из коридора.

Он проследовал за ней.

— Ты уверена, что письмо заказное?

— Так сказали.

— Но у нас ведь нет родственников за границей, откуда же...

— Не имею ни малейшего понятия, — ответила она. — Сказали, ждите.

В этот момент раздался звонок в дверь. Марина от неожиданности вздрогнула. Он открыл дверь. На пороге стояла полная женщина, почтальон.

— Вот, распишитесь здесь.

Он расписался.

— А на чьё имя? — спросил Ефремов.

— Не знаю, там написано, — равнодушно бросила женщина и исчезла.

Они с сестрой вернулись в комнату. Марина сгорала от нетерпения, не смотря на поджимающее ее время. Он прочёл адрес. Письмо направлялось им, точнее ему.

— Странно, — сказала она, — почему оно пришло не на твой адрес?

Письмо имело штамп и марки с английскими буквами.

— Обратный адрес: Австралия, город Кэрнс, — произнёс он задумчиво.

— Это где? — обескуражено спросила Марина. Она бросилась к шкафу и вынула сложенную карту. Они развернули её.

— Вот, нашла...

Он изучал конверт, казалось, что не слушал её. На конверте было написано, внизу адреса: «Юридическая фирма Уилсонов».

— Что ты говоришь? — спросил он.

— Я нашла этот город, вот он, Кэрнс. Это на северо-востоке. Портовый город. Австралия.

Они оба посмотрели друг на друга, пытаюсь понять, не ошибка ли это. Она вспомнила, что опаздывает.

— Ты разберёшься. Потом мне обо всём расскажи, — быстро проговорила она.

Опоздание на работу было выше её подогретого женского любопытства. Она умчалась, а он остался один, наедине с этой, внезапно возникшей, загадкой.

Почему письмо пришло из Австралии, где нет у него родственников? Почему оно пришло на его старый адрес? Причём здесь юридическая фирма, какого-то Уилсона? Вопросов было множество. Ответы хранились внутри конверта. Он аккуратно срезал ножницами край конверта, чтобы не задеть обратный адрес, напечатанный на нём. Внутри был один лист с печатным текстом и подписью в конце. Всё это выглядело неподдельно. Он углубился в содержание текста.

«Господину Сергею Ефремову.

Юридическая фирма Уилсонов уверяет вас этим письмом в том, что на ваше имя у нас имеется

завещание, написанное вашим отцом, Николаем Ефремовым, и заверенное нашей юридической фирмой.

Завещание предназначается лично вам, и вступает в юридическую силу с 01 марта 1975 года. Подписано вашим отцом и оставлено у нас на сохранение до наступления вышеуказанной даты. Таково требование вашего отца.

Мы ждём вас для того, чтобы огласить вам завещание.

С уважением, Уилсон младший, управляющий юридической фирмой Уилсонов».

Ефремов прочёл письмо ещё раз. Написано оно было на английском языке. Словно не веря себе, он посмотрел на календарь. Сейчас был апрель 1975 года. То есть письмо из Австралии шло более месяца. Ещё раз взглянул на дату, напечатанную на конверте. Всё верно. Месяц и две недели шло это письмо из Австралии.

Что оно могло значить? Он стал вспоминать подробности, все, какие ему были известны, об отце. Он подошёл к окну и задёрнул его наполовину шторой. Остановился. Что он делает? Зачем закрывает окно? То ли от волнения, то ли от внезапно возникшего страха. Да, это был самый обычный страх. Он вновь отодвинул штору и отошёл от окна, сел на диван.

Отца он толком не помнил, ему было тогда

несколько лет, когда отец не вернулся из экспедиции. Лицо матери было расплывшимся образом. Она умерла в, казавшемся, далёком 1942 году. Ему тогда было всего пять лет, сестре восемь.

Его что-то грызло изнутри, что-то старое, забытое. Какая-то тупая отдалённая боль утраты, вспыхнувшая из далеких, детских воспоминаний. Всю свою жизнь он полагал, что его отец погиб. Во всяком случае, так говорил дед. Неужели это была ложь, и отец жив, — неожиданно осенила его догадка. Неужели дед и на этот раз, что-то скрывает от него. Скрывает правду, правду об отце.

Его глаза невольно бродили по стенам, словно искали защиты, объяснений, и неожиданно натолкнулись на портрет. Он был нарисован отцом в юные годы, когда у него ещё не было детей, когда он впервые повстречал свою любовь. На портрете была изображена, в свете разгорающейся зари, с загадочной улыбкой, молодая девушка. Внизу была подпись отца. Эту картину он назвал: «Девушка в утренних лучах». Это была молодая мать Сергея Ефремова. Одета в лёгкое голубое платье, с развивающимся на ветру полупрозрачным шарфиком, укутывающим её шею, стояла она на фоне разгорающейся зари, короной розово-красного света, поднимающейся из-за её спины. На её устах застыла лёгкая улыбка, большие синие, слегка сузившиеся глаза таили в себе мечтательность. Этот

романтический образ отец нарисовал, глядя на свою будущую жену, в дни своей молодости. Рядом с подписью, Сергей Ефремов разглядел дату написания портрета: май 1934 год. Это было почти за три года до рождения в семье Ефремовых сына. Дочь, Марина, родилась в этом же году, когда был написан портрет.

Он изумленно посмотрел на изящную фигуру матери: гибкие линии, красивая женская фигура, скрываемая за тоненьким воздушным голубым платьем. Только теперь он обратил внимание, на небольшой выступ женского тела в области живота. Отец изобразил супругу, когда она была беременна. Живот выпирал незначительно. Если не обращать внимание, то можно было не заметить изменений. На портрете художник изобразил двоих. Внутри молодой женщины зарождалась жизнь. Почему он этого раньше не замечал? Интересно, знала ли об этом сестра? Эта картина висит здесь более тридцати пяти лет. Он часто смотрел на портрет матери, сделанный рукой отца, и ни разу не заподозрил его особенность.

Мысли его вернули к письму. Оно было неожиданным, и вместе с тем хранило опасность: родственники за границей, предательство отца. Почему он не вернулся? Он решил остаться в Австралии, сбежал от нас, — думал Ефремов. — Хорошо, но почему он не писал? Из-за

предосторожности, чтобы ни навлечь опасность на детей и жену? Но ради чего?

Всё это было странно, и носило какое-то ушедшее время, забытое. Внезапно его посетила мысль. Что если это письмо самый обыкновенный обман? Он сейчас занимается опасным, как сказал дед, делом. Что если это письмо придумано теми, кто хочет закрыть дело, подставить его, чтобы он, майор уголовного розыска, отказался от дальнейших поисков. Он ещё раз взял в руки конверт. Нет, похож на настоящий. Но смутные сомнения не оставляли его. Что с этим делать? Ехать в Австралию? Но как это возможно? Тогда его точно отстранят, а ещё вероятнее — посадят. Причину они всегда придумают.

Глава 8. Побег

Вор, по кличке Бес, стоял перед беременной женой. Округлость её живота разделяла двух влюблённых. Руки его были скованы наручниками, и поэтому он не мог обнять свою молодую жену. Они молчали, на её лице медленно набухали слёзы и скатывались по щекам. Увлажненные женские глаза, полные любви, преданно смотрели на рыжеволосого молодого мужчину, казавшимся озабоченным. Её тело, забывшее ласку мужа, притягивалось к нему. Он же хранил какое-то

сдерживание, казавшееся холодным.

Двое оперативников стояли у двери палаты и бдительно смотрели на Беса.

Он понимал, что наручники с него не снимут и всё же спросил:

— Можно мне обнять мою жену. Я не сбегу, — он бросил умоляющий взгляд на Полякова.

Тот посмотрел на своего товарища, стоявшего рядом, словно искал совета. Осипов незаметно качнул головой, в знак отказа. Снимать наручники было опасно, и нарушало приказ Ефремова.

Бес дёрнул плечами и махнул головой в знак протеста.

— Что ж, дорогая, придётся так. Обними меня, — сказал Бес.

Она прижалась к нему на грудь, чтобы не сдавить живот. Пара казалась неподвижной, молчаливой. Неожиданно, до её ушей дошёл тихий шёпот мужа.

— Я люблю тебя, очень люблю.

Она попыталась заглянуть в его глаза, но он прижал голову к её щеке, словно прячась в её объятии.

— Ты говорил, что это круто, — шептала она ему в ответ. — Все эти деньги, драгоценности — не более побрякушки. Это не жизнь... — внезапный ком в горле остановил её слова. Она боролась с

этим, хотела ещё что-то важное сказать. Ведь у них было так мало времени. Её мысли путались, и от этого она нервничала. Плечо мужа, в которое были установлены её глаза, расплывалось от слёз. Наконец она нашла в себе силы, поборов внезапно появившейся в горле ком, — жизнь, жизнь интереснее, но...

— Если сама жизнь не пестрит крутизной, — неожиданно прервал он её.

Их слова не долетали до слуха сыщиков, хотя те и пытались услышать.

Он что-то ещё ей шепнул на ухо. Неожиданно она отшатнулась от него и, сделав шаг назад, упала на пол. Оба сыщика не зевали, а тут же подскочили к беременной женщине, у которой разыгралась нервная истерика. Она громко кричала, плакала, проклинала всё на свете. Они подняли её и усадили на кровать, пытаясь успокоить. Когда они обернулись, — Беса уже не было. Стремглав сыщики бросились в погоню.

С наручниками Бесу бежать было затруднительно, — не хватало размаха рук. И сыщики это знали. Они полагали поймать его ещё на первом этаже, но увидев на полу коридора брошенные Бесом наручники, они поняли всю хитрую, хладнокровную игру преступника. Он обыграл их. Обошёл там, где, казалось, должен был проиграть. Они просчитались, не учли коварство

опытного вора.

Узнав эту новость майор Ефремов не находил себе места. Но как все мужественные люди, он сдержанно принял удар на себя. Приметы и фотографии Беса были разосланы во все отделения милиции. Его разыскивали по всей стране, по всему союзу. Но, несмотря на все предпринятые меры его поимки, Бес казался неуловимым призраком. Он, то появлялся в Грузии, то в Москве, то вновь возвращался в Одессу. Казалось, что он насмеялся над нерасторопными сыщиками, не способными его поймать. За Бесом тянулся кровавый след. По сообщениям из Тбилиси и Одессы, Беса заподозрили в нескольких громких делах с убийствами. Неужели бывший вор, стал обычным киллером, — думал Ефремов. — Начал выполнять денежные заказы, убивая подпольных миллионеров, главарей преступных кланов, неугодных людей. В Одессе его даже успели сфотографировать сыщики, но потом он смог уйти от них. На фотографии он нёс под мышкой футляр от скрипки. Неужто бывший вор, а теперь уже убийца, решил изучать музыку? — размышлял майор Ефремов.

В одном из донесений из Прибалтики говорилось, что его видели с футляром от скрипки, в котором вероятнее всего, он держал оружие. Так, прикрываясь студентом консерватории, он совершал свои дерзкие и смелые преступления. В

одном из донесений из Тбилиси говорилось, что он вошёл в дом, хорошо охраняемый, чтобы встретиться с хозяином, крупным дельцом, директором завода. Вышел он из этого дома без единой царапины. А на следующий день директор завода был убит на выезде из завода, у самых ворот.

Решив не ждать сестру и сунув письмо из Австралии во внутренний карман пиджака, майор Ефремов покинул квартиру, захлопнув дверь, и спускался по лестнице. На площадке он услышал голоса, но спустившись, никого не встретил. Парадная была тёмной, нырнув в нее, он на некоторое время погрузился в темноту. Ему оставалось сделать три шага, чтобы открыть внешнюю дверь парадной. Но, не успев дотянуться до ручки двери, он почувствовал лёгкое дуновение в спине, словно его окатила прохладная волна. После этого он окунулся во мрак. Конечности онемели, тело обмякло, голова провалилась в пустоту, лёгкую и, казалось, беспредельную. От тяжёлого удара по черепу он потерял сознание и свалился, прижавшись спиной к стене. Больше он ничего из реальных событий не помнил. Его сознание погрузилось в какой-то красочный сон. Реальность уступила место фантазиям, необычным и казавшимся реальными. Сны менялись один за другим. Казалось бы, он должен был забыть их, но они откладывались в памяти, словно слова —

записывались на бумаге.

Его окружали счастливые и радостные люди, жившие в чудесном старинном городе, где мирно живут граждане, не замечая времени. Его поразили не только, казавшиеся беззаботными, люди, но и архитектура города. Ему казалось, что он попал в средние века. Однако архитектура строений города имела вид лучших традиций эпохи возрождения. Причудливые барельефы, неповторимые статуи, чудесные колонны, изысканные резные работы, удивительные и необычные арки, красивейшие фонтаны украшали этот старинный и неповторимый ансамбль города. И вместе с тем, казалось, что люди в нём были самыми обычными. Они были приветливыми, бодрыми, здоровыми и благосклонными.

Он оказался в квартире, где было всё необходимое. Ефремов лежал на мягкой кровати, в домашнем халате. Вокруг него ропотно и услужливо трудился робот, схожий с человеком. Но он знал наверняка, что это был не человек, а великое творение человека — универсальный робот. Механический слуга так расторопно и вежливо обслуживал Ефремова, что он совершенно ничего не мог делать. Да и нужды в этом не было, он лишь лениво давал распоряжения механической игрушке и беззаботно потягивался на своём мягком и удобном ложе. Стоило ему лишь подумать, как

робот выполнял все его прихоти, бегая по дому, то исчезая, то появляясь неожиданно. Время казалось вечностью, и Ефремов, привыкший трудиться, выполняя всё сам, дал своей лени полную свободу, ведь теперь ему не было необходимости о себе заботиться. Неожиданно для себя он почувствовал, что ему совершенно не хотелось что-либо делать, и он ничего не делал. Даже разминки или утренней зарядки, которую ранее делал регулярно. Спустя время такого беззаботного пребывания, он даже забыл, когда последний раз ходил или бегал. Постепенно в его памяти исчезло само понятие «движение». Он лишь удобно лежал и лениво давал распоряжения расторопному и услужливому слуге. Действительно, зачем нужно было что-либо делать, если за тебя всё делали и делали великолепно. Пребывая в таком состоянии покоя, ему казалось, что время безгранично, и тогда он потерял его. Время для него не существовало, равно, как и не существовало пространства. Он пребывал на божественном ложе лени, где ничего не нужно было решать, выполнять. Даже сами мысли в конце стали для него утомительными, казавшимися немного навязчивыми. Они раздражали его, мешали пребывать в вечном божественном состоянии. Он не помнил, когда всё это началось, он не видел предела, и лишь наслаждался лёгким полётом в сладостной вечности, так приятной и возвышенной,

почти божественной. Постепенно он перестал обращать внимание на богатую и изысканную обстановку просторной комнаты, где он пребывал. Единственное, что пока ещё не утратило для него формы, было лицо его слуги. Это лицо он хорошо помнил, оно обслуживало его всё время, мелькало перед ним. Он не смог бы его забыть никогда, он прирос к нему мыслями, и лишь оно было для него прошлым, настоящим и будущим. Частенько он гордился тем, что это лицо всегда с ним, его черты стали для него родными. Он готов был пойти на всё, чтобы это лицо было с ним вечно. Ему даже показалось, что он влюблён в это лицо собственного слуги, механической игрушки. Каждую линию этого удивительного лица он обожал. Красивые большие глаза, полные жизнерадостности, изящный нос и мягкие нежные губы, меняющие форму: то в приятной улыбке, то в дружественном ожидании, то шепчущие ласкающие слух слова. Он влюбился в это лицо, и не мыслил другого. Ведь это лицо напоминало ему его собственное, но это лицо заботилось о нём, принося ему изысканные кушанья, от которых невозможно было отказаться. Еда была настолько разнообразной и аппетитной, что ему хотелось выпить её внутрь всегда, не останавливаясь.

Он знал, что он не единственный в этом чудесном городе, и его окружила зависть. Что если

он не единственный, кто получал все эти блага, что если и другие радуются этой беззаботной жизни? Он не смог смириться с тем, чтобы эта сладостная любовь, которой он был окружён, была дана не только ему. Он начал спрашивать слугу об этом, но тот лишь добродушно и заискивающе улыбался. И со временем он позабыл об опасности дележа благами с другими людьми. Он посчитал, что всё это лишь для него. Но что бы это было так, он пожелал всего и сразу. Чем больше он получит, тем меньше достанется другим. И услужливое лицо принялось выполнять его требования.

Жадность породила гнев. Ему казалось, что лицо недостаточно о нём печётся, что оно в то время, когда исчезает, чтобы выполнить очередной заказ, прихоть, что-то делает на стороне, для других людей. Он стал более требовательным и непреклонным, гнев проник в его сознание, сузив и ожесточив требования. Он возненавидел других людей за то, что они жили в этом городе, за то, что существовали и он был вынужден делить этот удивительный мир вместе с ними, ничтожными тварями, которые только и желали, что-то у него отобрать, чтобы пополнить свои запасы, а его — убавить. Он ещё и ещё раз всматривался в знакомые ему черты лица, видя в них помощь и надежду на лучшее.

Однажды он захотел проверить всё лично. Так

ли обстоят дела, как ему хотелось, как лицо уверяло его в том своей улыбкой и согласием с его мнением. Он хотел поднять голову, но не смог, он хотел подняться на ноги, но они окаменели, он хотел протянуть руку к улыбочивому лицу, но он не почувствовал её. Он не мог пошевелиться, словно он прирос к кровати. Всё что он видел — было лицо. Это лицо: вечно радостное, беззаботное, льстивое и услужливое. Это хорошо. Да, всё чудесно, думал он. Я ведь этого хотел. Но почему я не могу не только встать и пойти, а даже увидеть своё тело. Ему вдруг на мгновение показалось, что его тело растворилось в воздушном ложе вечности. Может он и не имел своего тела? Ведь вечности тело не нужно, главное — это его удовлетворённость, она сполна питалась заботами слуги. Может так и должно быть, и даже было всегда? — думал он.

Тогда он решил потребовать от лица, что бы оно показало ему город и людей. И оно выполнило его требование. Потолок растворился, и он увидел картины города и живущих в нём людей, точнее то, во что он превратился, пока Ефремов беззаботно пребывал в вечности. Перед ним предстала собака, лежащая в большой корзине. Её большие чёрные глаза были полны грусти. Свою мордочку животное положило на скомканную детскую кофточку. Собака тяжело дышала. Рядом лежал плюшевый

мишка, которым когда-то игралась его хозяйка. Перед чёрным сухим носом собаки лежал мячик. Собака словно впитывала его запах, оставшийся, как тяжёлое воспоминание об утрате друга. Запах всё ещё хранил присутствие девочки, и собака печально поглядывала поверх навечно застывшего мячика. Больше его не коснётся детская рука, не поднимет, не бросит.

Какое-то жжение внутри Ефремова прокатилось, затронув его внутренние органы, но не тронув сердца. Он знал, что его тело отсутствует, оно сгнило. Когда-то оно было, но от долгого пребывания в сладостной и желаемой вечности, оно сгнило, растворилось и исчезло. Тело не нужно вечности, мимолётные движения не имели смысла. Но эти новые ощущения, пробудившиеся в нём, имели отношения больше к его исчезнувшему телу, нежели к его сознанию. Его тело, казалось, вновь дало о себе знать, лишь стоило ему проникнуться чувством, о котором не знало усыпленное сознание. И он обратил свой взор в следующую, всплывшую на потолке, картину.

Девочка лет семи стояла у окна. В её глазах не было слёз, они смотрели в окно на отъезжающую машину. В её руках была новая, с пёстрым пышным платьем кукла, которую девочка прижимала к груди, словно то была часть её сердца. Там, в удаляющейся машине, была её мать, по которой она

очень соскучилась, и которую она не хотела отпускать от себя. Она не могла плакать, не потому, что закончились детские слёзы, а потому, что она привыкла к долгим разлукам с матерью.

В доме, где она оказалась два года назад, о ней заботились, но эта забота чужих людей не могла заменить материнское тепло. Она чувствовала тоску, проникающую в её сердце. Боль, порождённая отсутствием близкого человека, добровольно отказывающегося от неё, притихла, притупилась. И девочка лишь смотрела вдаль, на горизонт, за которым скрылась её мать, растаяла, словно её и не было. Исчезла, но оставив в подарок дочери новую пластмассовую куклу и грызущую тоску, которая переживёт куклу и будет вечным спутником девочки.

Ефремова вновь прожгла горячая волна нового ощущения, ощущения тоски. Это чувство прокатилось кипятком по несуществующему телу, и он почувствовал, как оно возрождается, наполняясь тканью и горячей кровью в мышцах. Однако сердца, он по-прежнему не чувствовал, теперь, с желанием пробудиться от долгого сна, он вновь всмотрелся в меняющиеся картины на потолке.

На этот раз, перед ним уныло сидела, сгорбившись, девушка лет шестнадцати. С её красивых, но грустных глаз текли горячие слёзы, а тушь, некогда тщательно наведённая, расплылась,

превратив глаза в два чёрных пятна. Девушка сидела на подоконнике, прислонившись к холодной стене и с грустью, смотрела на капли холодного дождя. В её, ещё детской руке, была сигарета. Сделав затяжку, девушка закашлялась, ведь курила она в первый раз. Назло родителям, не желающим, что бы она встречалась с неприятным им парнем, и назло молодому человеку, не пожелавшему с ней более встречаться. Она слепо подражала его привычке, но поперхнувшись горьким дымом, она выбросила дымящуюся сигарету. С её глаз текли слёзы, которые она не могла остановить. То были первые слёзы разочарования. За окном медленно шли люди, прячась от дождя под зонтиками. Боль не угасала. Вернуться домой она не смела, потому что нарушила строгий отцовский указ. Но и к молодому человеку она не питала больше нежных чувств, которые впервые в жизни охватили её, унеся в сказочный и незабываемый мир. Этот мир подарил ей прошлой ночью молодой человек, наградив её не только ласками и нежными словами, которых она никогда не слышала, но и букетом болезней, намертво вцепившихся в юное тело. Он был первым для неё, первым мужчиной в жизни и... последним. Он показал ей не только мир наслаждений, но и ввёл её в чарующий мир иллюзий, где и бросил её. Теперь она одна, как и было раньше. Непонимающие её родители,

казались ей тиранами и палачами. Ведь не из-за сбежавшего равнодушного молодого человека, а из-за отсутствия родительского тепла и понимания, она встала на подоконник и открыла холодное окно. Дождь всё лил, не переставая. А люди, там внизу, закрывшиеся зонтиками, не могли видеть появившуюся в окне девушку. Они все отвернулись от неё, как ей казалось, заслонившись цветными кружками зонтиков, что бы ни видеть чью-то трагедию. Слезы вмиг высохли перед реальностью открывшей финал жизни, хотя ей больше всего на свете хотелось, чтобы её нашли именно в слезах, которые бы, как символ её горя, остались навеки на лице. Но страх, внезапно возникший в её сердце, осушил глазницы. Она стояла на самом краю и видела лишь снующих внизу людей, прячущихся от холодных капель. Разве эти прохладные милые и слабые капли могут причинить боль больше, чем высушенные человеческие слезы? Ей показалось это смешным. Они боялись холодных капель, всего-навсего. Тогда им нет дела до неё, разве они могли её понять, если они боялись всего-навсего прохладных капель дождя.

Глубокое уныние охватило всё его образовавшееся, казалось из ничего, тело. Но не только оно. Ещё был страх. Но не опасный для жизни, а пробуждающий в нём невиданные силы. Приятное тепло наполняло его новое тело.

Приятнее всего было то, что оно трепетало новой силой, жизненной энергией. Уныние, породившее страх было самым опасным, ведь оно в отличие от грусти, печали, не было связано с жизнью. Оно было противоположно жизни, уносило от неё, отталкивало жизнь, делало её бессмысленной. Ненужная жизнь. Его аорта наполнилась кровью и впрыснула в артерии новую, горячую кровь, которая приятно прожгла почти завершённое тело, вливаясь в возвратную вену. Но куда шёл этот горячий и живительный поток крови? Ведь сердца, стучащего, волнующего, страдающего, кричащего, порождающего чувства у него ещё не было. Вернее, он не чувствовал его. Сначала в нём родились чувства. Чего-то недоставало, и он это ощущал всем своим новым, рожденным телом, и ожидал его появления.

Перед ним вспыхнула новая картина. Женщина лет восьмидесяти, со сморщенным старческим лицом, сидела на корточках у небольшой насыпи. Она бережно, словно совершала первые поцелуи своему рождённому сыну, вставляла в холмик цветы. Это были искусственные красные розы. Он всегда дарил ей их, но они были живыми, а эти казались мёртвыми. Впрочем, живые бы быстро завяли, ведь вырвав цветок из земли, человек лишает его жизни. И даже посадивши, воткнув его вновь в землю, цветок

завянет. Его дни или часы сочтены, как и её. Ведь её единственный сорокалетний сын уже никогда не выйдет из могилы, куда она его закопала. Мёртвые должны храниться в земле, им не место среди живых. Она знала это, но расстаться с ним не желала. Ведь он был для неё всем, целой жизнью. Слёз у старушки не было, она выплакала их все, ничего не осталось, впрочем, мёртвым, искусственным цветам влага не нужна, как и мёртвому телу, покоящемуся в земле. Женщина упала на могилу, обняв её в непреодолимой скорби, словно хотела отобрать жизнь сына из лап смерти. Она думала лишь об одном, не ощущая сырости земли. Почему мир так жестоко обошёлся с ней, почему забрал её сына? Она, не взирая на большой возраст, всё ещё жива, а он, её сын, уже в земле. Так не должно быть. И ей больше всего на свете захотелось поменяться с сыном местами. Она просила у смерти забрать её жизнь и все её, казавшиеся, счастливые годы, в обмен, хотя бы, на один год жизни сына.

Теперь Ефремов почувствовал внутри себя, не только пульсирующую жизненную кровь, наделяющую его полумёртвое тело энергией жизни, но и источник движения, неутомимый, непрерывно стучащий, бьющийся, словно он обращается в давно и накрепко закрытую дверь сознания, не желающего замечать, признавать волнующее

сердце.

Что-то кардинально изменилось в нём, когда он почувствовал внутри возродившегося тела бьющееся в такт сердце. Оно что-то говорило ему, волновалось, суетливо и приятно ныло, звало. Тепло и свет стали разливаться по его телу, да так, что глазам было больно смотреть, и они открылись.

Глава 9. Старые письма

Солнечные лучи ослепляли его. Приятное тепло всё ещё было в нём. Но он отчётливо ощутил, что он проснулся. Всё это был сон. Какой удивительный, — подумал Ефремов.

— Смотрите, он проснулся, — услышал он женский, знакомый ему голос.

— Да, вы правы, он приходит в себя, — сказал мужской, незнакомый голос.

Над Ефремовым появилось лицо. Это была Марина, под глазами были тени от недосыпания. Увлажнившиеся большие женские глаза вдруг повеселели.

— Всё хорошо, — успокаивал мужской голос. — Он очнулся, и это главное. Теперь режим. Его надо поставить на ноги. Но главное, что он выжил.

— Вы будете навещать нас, доктор? — спросила Марина, глядя на мужчину.

— Не волнуйтесь, ему лучше. Пульс в порядке.

— Что со мной? — спросил Ефремов.

— Как вы себя чувствуете? — спросил доктор.

— Вроде, ничего, — ответил Ефремов. — Только голова на затылке побаливает.

— Головокружение есть?

— Нет.

— Тошнота.

— Отсутствует.

— Замечательно. Сегодня он может нормально поесть.

— Что значит нормально поесть? — спросил Ефремов.

— Не волнуйтесь, — ответил доктор. — Я имею в виду, что вы сможете сесть и поесть, как все мы.

— Но что со мной произошло? Почему я лежу...

— Это твоя комната, — поспешила его успокоить Марина. — Помнишь, ты здесь жил? Доктор, это его комната, когда он был ещё мальчиком, — пояснила Марина.

— Что ж пусть ещё лежит и набирается сил. Я приду через два дня. Вы были в коме, молодой человек. Вы что-нибудь помните, до того, как потеряли сознание?

Он начал вспоминать, но помнил лишь удивительный, казавшийся реальным сон.

— Я помню только то, что мне снилось, — ответил Ефремов. — Возможно, снилось, — он всё ещё не был в том уверен. Так цепко держал его сон.

— Чудесно, вы можете писать?

— Да, думаю, что могу, — он пошевелил руками.

— Отлично. А ногами вы сможете двигать, чтобы сесть за стол?

Он согнул ноги и выпрямил их.

— Отлично. Вам повезло молодой человек. Сделаем так: когда вы почувствуете, что сможете сделать запись, то обязательно напишите всё, что вам снилось.

— А это можно? — опасаясь за здоровье брата, спросила Марина.

— Полагаю, что да, — ответил доктор. — Пусть всё запишет, глядишь и вспомнит всё, что с ним произошло. В подобных случаях больные теряют часть памяти, — сказал он ей тихо, чтобы Ефремов не слышал.

— Вы поправляйтесь, — сказал он Ефремову. — Я навещу вас. Вы должны соблюдать все мои инструкции и обязательно слушаться сестру. Она у вас молодчина.

Доктор ушёл. Марина вернулась к кровати и села рядом с Ефремовым, который приподнял

голову, разглядывая обстановку, словно проверил, где он находится.

— Опустит голову на подушку. Ты слышал, что доктор сказал? — в её голосе скользила требовательность и забота.

Он вспомнил, как когда-то, когда они были оба детьми, она заботилась о младшем брате.

— Так что же со мной произошло? — спросил он, осторожно трогая рукой перевязанную бинтом голову. Только теперь он заметил, что голова была замотана белым бинтом. Ноги и руки были свободными, их ничто не сковывало, значит, — подумал Ефремов, — дела не так уж и плохи, как нарисовал доктор.

Он не любил докторов с детства и поэтому старался не болеть, чтобы не встречаться с ними. Он знал, они лишь люди, а не боги, и не могут вернуть жизнь, которая сама выбирала с кем ей по пути, а кого надо оставить.

— Ты действительно ничего не помнишь? — спросила взволнованно и мягко сестра.

Её глаза блеснули, в них вновь начала набираться влага. Она умоляюще ждала ответа. Он откинул голову на подушку, уставив взгляд на потолок, словно хотел что-то там увидеть.

— Если бы я помнил... — начал он.

— Просто, я не должна была об этом спрашивать. Это всё волнение. Я опасалась за тебя.

Тебя обнаружили соседи. Ты лежал на лестнице в луже крови. Приходил следователь.

— Какой ещё следователь, — удивился Ефремов и приподнял голову.

— Нет, нет, никакой... просто следователь... участковый. Его вызвали соседи... И скорую тоже. Я была на работе, если бы я знала, что ты вот так лежал... — она говорила прерывисто, сбивчиво, взволнованно. — Но теперь, теперь всё хорошо. Слава богу, что обошлось. Доктор сказал, что ты скоро поправишься. У тебя крепкий череп.

— Крепкий череп, — повторил он, ощущая свой затылок. Там всё ещё чувствовалась тупая боль. — А что сказал участковый?

— Он осмотрел место твоего падения...

— И что? — с нетерпением спросил Ефремов.

— Ничего, так и сказал: «ничего не обнаружил».

— Что это значит?

— Он, наверное, имел в виду, что кровь была лишь на тебе и под тобой. Кажется, это.

— Ясно.

— Что, что тебе ясно, Серёжа? — уже успокоившись, мягко спросила она.

— Да так... — уклончиво ответил он.

Ефремов понял, что если отпечатков крови нет на ступеньках или стене, то это не простое падение. На него было совершено нападение. «Как

странно, — подумал он, — я ничего не помню, только этот сон». В его голове действительно всё ещё летали картины странного сна. Он был взволнован им больше чем причиной, по которой его голова была перевязана бинтом.

— Но теперь всё страшное осталось позади. Я буду за тобой ухаживать.

— А где твои?

— Я их отправила к свекрови. Они несколько дней пробудут у нас, пока ты станешь на ноги, — пояснила она.

— Какое сегодня число?

— Не волнуйся, на работу тебе не надо идти. Я позвонила туда. У тебя больничный. Там все знают.

— Что знают? — удивился Ефремов.

— Ну, о том, что ты болен.

— Ты им сказала о травме?

— Нет. Скажешь сам, когда тебе лучше станет. Телефон в коридоре. А сейчас я покормлю тебя, потом ты поспишь.

Он открыл глаза, сестры не было. Он потерял чувство времени. В постели так было хорошо, что ему совсем не хотелось вставать. Вероятно, он уснул. Сколько минут или часов он спал, он не знал. Приподнявшись на кровати, он увидел рядом с кроватью, на табуретке поднос, с лекарствами, чашку надпитого и уже холодного чая. Он

потрогал чашку рукой. Холодная, значит, он спал минимум час. Сев на кровати и спустив ноги, он вдруг почувствовал, что ему хочется пройтись. Вероятно, силы вновь вернулись к нему. Но, как он не вспоминал, ничего не мог вспомнить: каким образом он очутился в постели?

Он вышел в коридор, там никого не было. Увидел телефон. «Нет, звонить не стану, — подумал он. Потом, когда лучше станет». Над телефоном висел календарь. Он вспомнил, что у сестры был тринадцатого числа. На календаре было пятнадцатое. Значит, он в постели пролежал без сознания два дня. Ему повезло, что он вышел из комы. Могло быть хуже. Значит, это было нападение. Он вернулся в комнату, увидел свой пиджак. Сунул руку в карман. Кошелёк на месте. Значит, то было не ограбление. В другом кармане он обнаружил бумагу. Вынул. Это был сложенный пополам конверт с письмом. «Из Австралии, — вспомнил он. — Завещание. Ещё одно дело свалилось на меня». Он ощупал голову, повязка по-прежнему была на затылке. Слегка надавил. Было больно. «Да, череп у меня действительно крепкий, — подумал Ефремов. — Хотели убить или запугать». Нападение на сотрудников милиции случались и раньше. Но на себе он ощутил это впервые. Ему хотелось двигаться. Главное — не сидеть на месте. Он вышел в коридор и

почувствовал прохладу, где-то была открыта форточка и вечерняя, весенняя свежесть вливалась в коридор. Он позвал сестру, но никто не ответил. Вероятно, её не было дома. Он посмотрел на настенные часы. «На работе, — подумал он. — Она на работе. Скоро придёт. Нет, не на работе». Он вспомнил, как Марина говорила о том, что отправила мужа и дочь к свекрови. Значит, она у неё, рядом с семьёй. «Возможно, она взяла отгул, чтобы смотреть за мной, — думал он. — Я ей причиняю неудобства... Но она всегда заботилась обо мне. Хорошо, что она у меня есть, такая милая, заботливая, добрая». Он вспомнил, как они с детства, были вынуждены выживать, когда остались одни, без родителей.

В другой комнате никого не было. Окно было чуть приоткрыто. Вечерний шум Ленинграда осторожно заползал в комнату. Свет он решил не зажигать, несмотря на сумерки, впрочем, белые ленинградские ночи не подпускали к себе тьму, оставаясь в свете. Время словно остановилось, ночь сжалась в час парализовав сумерки, остановив их приближение. Без света было спокойнее и уютнее. На одной из книжных полок он увидел библию и несколько книг по философии. Книги, очевидно, принадлежали мужу Марины. Он был преподавателем в университете и готовился к сдаче кандидатского минимума. Взяв книгу в руки, он

стал перелистывать страницы. Зачем он это делал? Он поймал себя на мысли, что совершаемые им действия имеют причину. Он что-то непроизвольно искал. Очевидно, его мозг пытался решить какую-то проблему, найти какой-то ответ, на какой-то вопрос. Вот, вот это слово: «пороки, человеческие пороки?»

Теперь он понял, что привлекло его внимание и почему. Очевидно, его сознание, воспалённое странным сном, всё ещё искало ответ. Он стал вспоминать отрывки из сна, который терзал его несколько дней, пока его тело лежало в расслабленном состоянии на кровати, а рядом о нем заботилась сестра.

Он вспомнил робота. Перед ним всплыло изменчивое и услужливое лицо, в котором он сейчас признал себя. Вспомнил, словно вынул из дымки все те картины, эпизоды из жизни разных, не связанных друг с другом людей, чей жизненный путь подошёл к трагедии. Его охватила волна беспокойства, переходящая в щемящую сердечную боль. Он ещё раз ощутил весь трагизм, безысходность, в которой оказались те люди, из сна, словно он испытывал на себе ту же боль, те же душевные мучения. Волна переживаний, разыгравшаяся в нём, вновь объединилась и переросла в бурю страстей, которую он тогда испытывал, чтобы отвлечься, он вновь открыл

книгу. Он и не знал, что способен на сострадания. Тяжёлое сиротское детство иссушило его глаза от слёз и притупило боль душевных страданий. Но вот теперь, по истечении более тридцати лет, с момента непоправимой утраты матери, он вновь испытывал душевные муки, желание помочь, исправить. Ему захотелось всю эту тяжесть сбросить, освободиться, но это было не в его силах. Как странно, подумал он. Как сильно человек хотел бы бросить всё это, остаться один, питаясь сладостным одиночеством. Однако пороки, сидящие в каждом из нас, заставляют нас бороться, а значит, жить. Жить с надеждой на лучшее, с надеждой на человека. Только человека наделили этими божественными и не знающими износа чувствами и способностями к выживанию или жизни, порождающими пороки и добродетели, воспламеняющие страсти и движение, разжигающие внутри людей огонь эмоций и бурю переживаний. Для чего это человеку, привыкшему по своей природе к одиночеству, если не для рождения жизни? Но жизни короткой — мига времени, песчинки вечности. Он впервые задался этим странным вопросом. Вероятно, так сильно на него подействовал этот сон.

Листая страницы книги и вспоминая яркие эпизоды сна, застывшие перед глазами, словно живые картины чужой жизни, он встретил имя: Евагрий Пантийский. Он жил в четвёртом веке.

Философ и богослов писал о весьма злых помыслах, испытаниях, через которые должен пройти человек. Боги испытывают нас. А может, проверяют свою работу, наблюдая за тем, как корчится человек, поражённый плетью господа — душевными муками. Сколько раз пороки и добродетели менялись местами в человеческой жизни? Они есть целое, но только тогда они незаметны, не причиняют нам боль. Но стоит им разъединиться, как человек окунается в одно из них, думая, что спасён, но лишь тогда он осознаёт через боль и мучения, что на самом деле означает жизнь. Без них или, когда они слились, человек не замечает жизни, её нет, он находится лишь в призрачном существовании. Пороки и добродетели, которыми наградили нас боги, создатели человека, управляют нами. Но они ошибаются, думал Ефремов. Чёрта с два, если боги существуют сами по себе. В этой жизни всё переплелось. Люди и боги, которых мы напридумали, не существуют друг без друга. Люди всегда имели богов, как и боги не могли существовать без человека.

Вечером, когда пришла Марина, он не выдержал и рассказал ей о странном сне. К его удивлению она встревожилась, словно этот сон тоже видела.

— Это что-то далёкое, — сказала Марина. — Не уловимое.

Когда она принесла ему на подносе суп, она оживлённо сказала.

— А ты знаешь, я вспомнила, откуда знаю твой сон.

— Интересно, и откуда же? — с иронией спросил Сергей.

— Когда-то в детстве, это было во время войны... да, во время блокады, — она вновь была взволнованна, но на этот раз тяжёлыми воспоминаниями. — Тебе тогда было пять лет, мне восемь.

— Тогда была...

— Да, — она задумчиво посмотрела куда-то в сторону. Казалось, что мысли её охватили полностью, парализовав движения. — Она была жива, наша мать ещё была с нами. Я смутно помню те времена.

На самом деле детские воспоминания не выветрились из её памяти, они навсегда застыли, словно примёрзли, окаменели в жутких картинах.

— Эти твои пороки и боги, из твоего сна, — пояснила она. — О них говорила наша мать.

Он с удивлением посмотрел на неё, ожидая пояснения.

— Она читала нам сказку, вернее, не сказку, а легенды.

— Что это за легенды? Я не помню, — он выразил на лице недоумение.